

ДВОЙНАЯ ЛУНА, ИЛИ ПАЛИТРА ЧЁРНОГО

СЕРЕБРО ЖЕЛАНИИ

КНИГА
ПЕРВАЯ

РОМАН БАЛУЕВ

Книга 1 Серебро желаний

Йед и Тания — дети деревенского кузнеца, которые внезапно оказались в водовороте событий. После пятнадцати лет мира Великая страна Кейл вновь неспокойна: на востоке разгорается восстание еретиков, а в столице хозяйничает тайное подполье. И всё же, до поры казалось, что мирный сельский уклад Богиней забытых предгорий ничто не нарушит. Но вот под Закатными горами пробуждается нечто древнее, спящее там со времён Титанов. И прежней жизни героев приходит конец.

Вместо предисловия

Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer
Voltaire

— Мысль начинается с вопроса, — молвил Первенствующий. — Этому меня научили люди.

Он оторвался от окна и обвёл Лекториум взглядом нечеловечески синих, почти ультрамариновых, глаз.

— Я хочу, чтобы сегодня вы усвоили эту простую истину и никогда её не забывали. Вопрос зачастую важнее ответа. Если ответ — это итог познания, его конец, гибель, то вопрос — его исток, движитель и жизнь. Вот почему так важно задать верный вопрос.

Зал молчал. Все вслушивались в этот голос — проникновенно-глубокий и одновременно кроткий, источавший искренность и доброту. Боясь даже шевельнуться, ловили ртом каждое слово. Десятки таких же синих глаз глядели на него с восхищением.

Для них он был живой легендой — и хорошо это знал. Каждый раз, начиная свой рассказ сызнава, он втайне боялся: а удастся ли правильно его донести? Передать именно то, что хочет? Ведь всё, что он им скажет, они запомнят навсегда. Вдруг по недоразумению его поймут превратно?

— Часто ли вы задумываетесь над тем, кто такие люди? Ведь иначе не понять, и кто такие мы.

Он снова обвёл учеников многозначительным взглядом. Они, конечно, не догадываются, как ему сейчас тяжело.

— Что их определяет и делает собой? — продолжал он. — Делает настоящими? Зачем они существуют и что несут в наш мир? И чей он, этот мир?

Взгляд его случайно скользнул в окно — и лазурь далёких небес схлестнулась со взором служителя Богини.

Он неслышно вздохнул. Воспоминания — эти злые химеры — коварно подкрадывались, обступали со всех сторон. Угрожающе рычали и скалились. Готовились накинуться всей сворой разом — и растерзать.

— Такие вопросы встают перед героями моей истории. Только, прошу, не ищите в ней ответов, ибо она — совсем о другом. Это история о людском роде, его гибели и возрождении. Это история о красках — красках из палитры чёрного. Это история о людях, которые всеми силами стремились стать настоящими...

Глава 1

«Всего лишь сон. Просто плохой сон.»

Они бежали. Бежали вдвоём по лабиринтам подземных тоннелей, а по пятам их преследовала непроглядная тьма. Тьма жадно клубилась, извивалась щупальцами неведомого чудища — чёрного, как смоль. Оно ревело и рычало, желая во что бы то ни стало схватить

беглецов, обволочь своей чернотой навечно... Но они убегали прочь. Он не отпускал её руки — чтобы ни за что не потерять. Не отдать чудовищу.

Они бежали, а вокруг сверкали драгоценные россыпи сказочной красоты. Потревоженные самоцветы загорались под ногами сокровенно-мистическим блеском. Мерцали и переливались яркими красками. И не было в подземелье иного света. А позади наступала ревущая чернота, пожирая всё на своём пути. Вот-вот она достанет их щупальцем, притянет к себе, обратит в такое же чёрное ничто.

Они бежали, как вдруг пропал даже свет. Самоцветы помертвели, один за другим, и предательски угасли. Чудовище тоже умолкло на миг, обескураженное, но тотчас разразилось громовым ликующим рыком. В ужасе они шарахнулись прочь. Неважно куда — наугад, вслепую, лишь бы спастись.

Но что это? Под землёй задул робкий ветерок? Там выход, надежда? Он сжал её ладонь, и они рванулись вперед — на воздух, на свободу, прочь от подземного ужаса... Снаружи гордо расцветала ночь, и яркие звёзды переливались в небесах, что те самоцветы в подземелье. Неужто спасены? Но позади вновь раздался неистовый рёв. Тени вокруг забурлили гадкими извивами.

Они бежали, а мрак за спиной разрастался, пожирая всё сущее. Он затопил уже подземелье с сияющими самоцветами, и сами горы обернулись густой чернотой.

А тьма всё растёт и ширится, вздымается к небесам. Устоит ли небо перед ней? По зубам ли чудовищу горящие там звёзды?

Некуда больше бежать. Негде укрыться. Некому сдержать ненасытную мглу. Со всех сторон подступает она, клубится, извивается в алчном предвкушении. Чёрное чудовище слепо рыщет хищными щупальцами. Шипит, лает.

— Я тебя не брошу, — прошептал он ей. — Чудовище лжёт! Мы оба — настоящие!

Но в глазах её лишь плескался онемелый ужас.

— Не отпускай, — умолял этот взгляд, — пожалуйста...

Тут чёрные щупальца её нашли. Жадно взревели. Обвили добычу, рванули из его рук. Туда, где клубилась вечная тьма.

— Я не отдам её тебе! — крикнул он, заглушая победный рык чудовища.

Оружия не было — даже хотя бы палки. Тогда он упёрся ногами в землю. Врос, будто столетний дуб, неприступный утёс. Никому не сдвинуть, не оторвать. Он не уступал чудовищу его жертву, не выпускал её. Силился вырвать из прожорливого клубка. Держал крепко, насколько хватало воли. Но разве могут смертные тягаться с безымянным злом? В ужасе он ощутил, как скользят пальцы...

Чёрные щупальца увлекли добычу в клокочущую тьму, и тьма с вождленным рёвом поглотила её.

Йед проснулся от собственного хрипа. А едва в голове немного прояснилось, то без сил упал обратно на лежанку.

— Всего лишь сон, — выдохнул он. — Просто плохой сон.

Он вышел на ночную прохладу. Над головой мирно мерцало звёздное небо.

— Как прибыл в столицу, так и снится одно и то же... Опять и опять! Подземелье, незнакомка... Кто она? Даже лица не помню... Что со мной происходит?

Глава 2

«Этот голос пытается мне что-то сказать, прошептать...

Что-то очень важное!»

— Кто первый до верхней пещеры? Догоняй!

— На этот раз догоню, не сомневайся! Я старше и выносливее!

— Всё обещаешь, а ни разу ещё не смог! И никто не может!

Тания действительно бегала быстрее всех, и не только сверстников. Даже Йед едва за сестрой поспевал, а уж обогнать её и вовсе казалось безнадёжной задачей.

Они неслись по горному склону наверх — к Поющим пещерам.

Этим утром дул сильный восточный ветер. А если в такой день попасть внутрь любой из тех пещер, то можно насладиться сказочно красивым пением. Мерными переливами, подобными голосу морских сирен с восточного края света.

Пещер на склоне чернелось много — что сот в пчелином улье. Каждая обладала собственным звучанием, выводила свою мелодию. Для гостя с хорошим слухом голоса Поющих пещер были неповторимы, как голоса людей.

Некоторые этих пещер боялись. Старики рассказывали, будто бы песни их — на самом деле стоны древних героев, что погребены под Закатными горами с незапамятных времён. Будто бы и по сей день не знают покоя их души, вновь и вновь сражаясь и погибая, вечно жаждая отмщения в давно проигранной битве. Говорили, что если человек станет слишком долго вслушиваться в их песни-стоны, то рано или поздно разберёт он там слова, и поймёт предостережение из древних эпох. И тут же падёт любопытный путник замертво, ибо не должно мёртвым разговаривать с живыми, а живым — знать тайны мёртвых.

Впрочем, нынче подобные рассказы пугали лишь малых детей, да суеверных чудаков. Слухи о Поющих пещерах ходили по всему королевству Кейл, их нередко посещали монахи и прочие странники, выдавшие много чудес Междуморья. Они говорили, что поющие голоса возникают из-за особой формы пещер. И нет там никаких стонущих мертвецов и прочей нечисти, а просто ветер выдувает из них песнь, словно горнист из трубы.

Йед и Тания жили в деревне неподалёку. Сельские жители, впрочем, редко поднимались к пещерам — им-то те завывания порядком приелись. Большинству, кроме Тании. Она приходила сюда много раз, ещё с самого детства, знала все тропки, восходящие к каждой пещере, и знала голос каждой.

— Неужто тебе ещё не надоели эти песни? — не раз спрашивал её Йед. — Ведь ты давно узнаешь каждую пещеру по голосу. И кстати, почему их называют песнями? Как по мне, так это просто невнятный гул.

Тания молчала. Она прислушивалась к тонким переливам мелодии, рождённым игрой ветра.

— И никакой не гул. Просто вслушайся! Иногда мне кажется, что этот голос пытается мне что-то сказать, прошептать... Что-то очень важное!

— Ха-ха, только смотри не пади замертво! Нас в детстве этими сказками пугали, чтобы мы сюда не лазили... Только тебя они наоборот раззадорили. Ты так от меня и не отставала тогда — приведи к пещерам да приведи. А мне и пришлось... Иначе чего доброго одна бы полезла, да навернулась тут. Так я хоть за тобой присматриваю.

У Тании в глазах блеснула лукавая хитринка.

— Это ещё неизвестно, кто за кем тут присматривает. Я ловчее забираюсь. И зачем вообще за мной «присматривать»?

— Я же тебе всё-таки брат, — нахмурился Йед. — Если что дурное случится, то спрос будет с меня.

— А за тобой тогда кто следит, чтоб не «навернулся»? Как раз если не даёшь мне самой шагу ступить, то так скорее «навернусь». Давай-давай, подвинься, не стой истуканом!

Тания с трудом протиснулась ко входу в тёмную пещеру и засунула туда голову. Но едва прислушавшись к мерной мелодии, тотчас нахмурилась.

— Хочешь смеяться, а хочешь нет, но сегодня голоса не такие, как обычно. Сегодня мне здесь неприятно находиться... словно пещеры гонят меня прочь. Они же плачут от горя! Разве не слышишь?

— Неужели? — скептически протянул Йед.

Он поёжился, вслушиваясь в монотонный вой. Приятного в таких заунывных мелодиях он действительно находил мало — что сейчас, что прежде.

— И на днях так уже было. Вначале думала показалось, но сегодня всё так же. Может, они обижены на меня? За то, что я так и не научилась их понимать?

— А может, тебе всё-таки надоели эти пещерные завывания! Каждый раз, как только ветер подует подходящий, ты... А смотри-ка, какой погожий сегодня денёк, отсюда даже столица видна!

Обзор с высоты пещер и правда открывался потрясающий. В низине виднелась родная деревня, вокруг неё пастбища — уже иссушенные жарким летним солнцем. Неподалёку — лес, тоже порядком измученный затянувшейся жарой.

Столица стояла далеко на востоке, напротив Закатных гор. Воздух нередко оказывался слишком густым и мутным, чтобы её отсюда разглядеть. Но сегодня он был чист и прозрачен, и контуры столицы явственно выступали на фоне горизонта. Выглядело это так, словно рукотворная гора на другом конце мира бросает вызов горам природным, оспаривая их господство под звонкой синевой небес.

Хотя отдельные дома отсюда не различались, одно строение выделялось из тёмной городской массы. Храм богини Шаминаы воздымался над горизонтом острым шипом. Сооружение на деле не такое уж и огромное, но архитекторы былых дней хорошо знали приёмы, чтобы создать впечатление гигантичности. Столицу построили на большом холме, а храм Шаминаы находился на самой его вершине.

Величественный храм одним своим видом не допускал и малейшего сомнения в том, кому под этим небом принадлежит высшая и неоспоримая власть надо всей разумной жизнью.

— Нет, не думаю чтобы мне надоело это место... — задумчиво молвила Тания.

Она словно стряхнула с сознания обволокнувший его туман.

— Но сегодня мне больше не хочется тут быть. И правда — вернёмся домой, пожалуй.

* * *

Покинув пещеры, Тания быстро повеселела.

— Скоро уже твои испытания в королевскую гвардию? — ухмыльнулась она. — Обогнать даже меня толком не смог, а туда ведь мало кого берут, тем более из таких деревенщин! Возьмут ли тебя?...

Последние слова она наигранно растянула, чтобы даже скалам вокруг стало ясно: в успехе затеи она всерьёз сомневается. Впрочем, Йеда подобное давно перестало задевать. Тания позволяла себе и более едкие речи, особенно когда хотела кого-то высмеять по-настоящему. А сейчас она надеялась скорее подбодрить и вселить в него уверенности. Тания всегда считала, что человека для успеха куда важнее растормошить и раздражить, нежели убаюкать обещанием счастливого завтра.

— Не нужно мне никого обгонять, не в гонцы записываюсь, — отмахнулся Йед. — Зато если я сумею пройти испытания, то ни я, ни ты, ни вся наша семья никогда не будем ни в чём нуждаться. Кузнечное дело нас пока кормило, но отец ведь с годами не молодеет... И если затея удастся, то я стану уже не простой сын деревенского кузнеца. И ты перестанешь быть только дочерью кузнеца, простолюдиной, а сделаешься сестрой королевского гвардейца.

Тебе удастся найти женихов получше, чем среди наших, как ты сказала, деревенщин... Со временем.

Тания гневно сверкнула глазами.

— Не мели ерунды! Ты же совсем не потому так туда рвёшься. Я-то тебя знаю, как облупленного! Королевская гвардия всегда была твоей мечтой. Ты просто хочешь туда попасть, и точка!

Она резко остановилась, преградив тропу, и в досаде начала тыкать ему пальцем в грудь, как бестолковому орясине, которого уже и вразумлять-то бесполезно.

— Ну для чего, для чего ты собственные желания вечно оправдываешь какой-нибудь ещё выгодой для других? Как будто сам их стыдишься! Как будто они у тебя какие-то... настоящие!

— Да не оправдываю я! — отбивался Йед. — Но разве нельзя хотеть чего-то по многим причинам сразу? Ведь не сводить же всё к одним голым желаниям... Вишь какая умная, всё про меня знаешь, а сама что? Чего ты-то хочешь?

— Я? — удивилась она, прикрыв ладонью глаза от летнего солнца. — Дождя хочу! И чтоб отец баранины той привёз, как на твоё шестнадцатилетие. Моё ведь тоже уже скоро! А у нас такой вкусной прежде не бывало... Только без специй. Не люблю их.

Йед едва не расхохотался в голос, но невольно сдержался. И вместо смешка фыркнул по-лошадиному.

— И всё? Дождь и еда? Больше тебе ничего не нужно?

Она задумчиво посмотрела на низину с родной деревней, а затем обернулась наверх, к Поющим пещерам.

— Хочу, чтобы случилось что-нибудь... необычайное. В этой глуши всё так уныло, изо дня в день. А знаешь что? Может те мятежники на востоке потому и взбунтовались, что им стало дико скучно? Они ведь тоже на краю света, только на другом!

Тания не признавала ни традиций, ни устоев, а обычная судьба крестьянской девицы всегда ей претила. Впрочем, ни сам Йед, ни их отец, никогда и не ставили ей это в вину. Не пытались всерьёз урезонить. Ведь что дурного в том, чтобы желать лучшей доли? В их семье такое грехом не считалось. «Человек должен быть настоящим» — любил говаривать отец.

Более того: в том числе и ради сестры Йед вознамерился совершить почти невозможное — поднять урождённое положение их семьи. Он полжизни ждал этого лета, лета своего шестнадцатилетия, когда наконец сможет участвовать в знаменитых испытаниях в королевскую гвардию Великой страны Кейл. Вот заветное лето наступило, и он теперь готовился исполнить давнюю мечту — из сына деревенского кузнеца стать королевским гвардейцем. Именно так он хотел «стать настоящим».

Однако Танию подобные вещи вовсе не заботили. Она хоть и требовала от мира чего-то большего, чем предназначала ей судьба, но это «большее» понимала совсем иначе. Уж точно ей не нужно было искать никаких «женихов получше». Такую вещь, как «общественное положение», ради которого иные люди идут на немыслимые жертвы, она считала вершиной человеческой глупости. Она даже не презирала это понятие, а просто его игнорировала. А Йед так и не мог взять в толк: чего ей тогда не хватает на самом деле? Но Тания, похоже, и сама этого не понимала... Порою казалось, что она одновременно хочет противоположных вещей.

У подножия склона стояла обомшелая статуя Шамины — предостережение и оберег для путников, начинающих небезопасный подъём к Пещерам. Смотрелась она довольно безыскусно. Неизвестный ваятель высек её в столбе, из которого мало что выдавалось. Бугром выпирали ладони, распростертые подобно блюду. На них полагалось класть мелкое пожертвование — дабы снискать небесного благословения на коварных кручах горных троп.

Каменная одежда походила на скромный балахон, сродни одеянию монахини. Широкие рукава, выщербленные песком и ветрами, свисали до самых ступней, а голову обтягивал капюшон. Лица время не пощадило, но по ободу капюшона, как и на рукавах, сохранились вырезы по форме четырехлучевых звёзд — священного знака Богини.

Тания с интересом оглядела статую, хотя видела её тут далеко не впервые.

— Как считаешь, попади ты в эту свою королевскую гвардию, доведётся тебе увидеть её? Настоящую? О, да я бы тогда оделась в мужское платье и сама вместо тебя гвардейские испытания прошла!

У Йеда внутри что-то предательски дрогнуло. Не столько из-за дерзких повадок сестры, давно привычных, а потому, что выходка с переодеванием в её копилке уже имелась. Но виду он не подал, и лишь невозмутимо ответил:

— Даже королям не дозволено испрашивать аудиенции Богини. Она решает сама, когда и кому явиться, и бывало такое лишь в истории. А в обычное время волю Звёзд представляет Посланник Синода.

— Вот досада!... Ну тогда уступаю гвардию старшему братику!

Тания коварно ухмыльнулась, а Йед неслышно выдохнул. Кажется, всё обернулась простой шуткой.

— Впрочем, как знать, — добавил он. — Новый король Рамис молод, в его правление многое может случиться...

Йед замолчал и насторожился, тревожно озираясь.

— Что-то мне здесь... не нравится... — пробормотал он.

— Ты тоже это слышишь? Так странно... Я же говорила, здесь сейчас всё странно!

Йед ничего на самом деле и не слышал — его просто постигла необъяснимая тревога. Она начала исподтишка клевать его сознание ещё на спуске, а осознал он её только теперь.

Но слова Тании заставили его напрячь слух.

И вот ему удалось различить этот странный низкий гул. Едва доступный уху, он словно лился разом отовсюду. Зажатый в тисках ущелья, въедался в здешний воздух.

Звук походил на те пещерные завывания, что иные звали песнями. Да и откуда ещё ему тут взяться, если не из Поющих пещер? Но ведь Йед с Танией давно сошли к подножию...

— Пока не ушли, поднимемся обратно, — сказал Йед. — До нижних пещер. Такого с ними прежде не бывало! Может, стоит рассказать старосте?

Тания была только за.

У пещер тревожный гул стал заметно громче, настойчивей. До того низкий, что, казалось, проникал под плоть, до самых костей, что дрожали ему в такт. Будто звук этот хотел забиться куда угодно, лишь бы спастись от чего-то страшного в горной утробе.

Тания засунула голову в пещеру и прислушалась.

— Это просто гул. Я не слышу мелодии, как прежде. Это больше не похоже на ветер.

— А на что же тогда? Только не говори, что там стонут... Мерт... вецы...

Стонал не ветер — и не мертвецы. Стонала земля, а едва Йед заговорил, земля задрожала. По склону посыпались камешки, сначала мелкие, затем крупнее.

Тания и не пыталась бежать, словно воспринимала всё как новое увлекательное приключение.

Неужто она думает спрятаться в пещере?!

Тряска стремительно нарастала. Тогда Йед схватил сестру за руку и потащил прочь со склона.

— Эй!! Я тебе не мешок картошки!

— Ну так шустрей ногами перебирай! Бежать надо!

— От кого?! Там что-то происходит!

Он продолжал волочить её вниз, невзирая на все протесты.

Едва они промчались мимо статуи Шамины, раздался подземный гром. Почва заходила ходуном, словно из земных недр рвалось на волю неведомое чудище.

Тут перепугалась и Тания. Оба припустили во всю прыть, а с крутых склонов на них так и сыпался щебень и камни. Йед еле увернулся от здорового булыжника, как позади что-то страшно затрещало, словно тысяча демонов преисподней разом ударили в подземный гонг. А затем все звуки потонули в грохоте горного обвала.

— Оползень! — завопил он. — Нас же внизу живьём накроет!

Он потащил Танию в сторону, на ближайший откос... Но подземная тряска вдруг утихла — на удивление быстро, как и началась. А следом смолк и грохот камней.

Пыльную завесу снесло ветром, и глазам открылся изуродованный склон. Прямо по скальным породам его раскроила безобразная трещина. Пещеры на её пути разрушены, прочие — просто завалены. А там, где недавно стояли Йед и Тания, слушая пещерный гул, сошёл горный оползень.

Посреди хаоса невозмутимо высился столб статуи Шамины, который каменная лавина чудом не смела.

— Идём домой, — выдохнул Йед. — Землетрясение наверняка настигло деревню, им может помощь нужна! И поскорей, а то нас самих решат искать!

Тания ничего не возразила, словно и не слышала. Она ошарашенно ощупывала сизые от пыли волосы.

— Йед...

Она потянулась к нему, и вдруг — оступилась, неуклюже цапнув пальцами воздух. Он едва успел её подхватить.

— Что с тобой?!

— Я, кажется, ранена... — пролепетала она. — Небо вертится... Вот же...

По грязному лбу пробежала алая дорожка.

Глава 3

«Чудеса эти — не наше деревенское дело. Моё вот дело —
железо ковать.»

— Вы опять туда с ней ходили? — Тания узнала горестный голос матери. — Что её только тянет каждый раз в эти горы! Ещё немного и поселится там в пещерах. А ты, Йед, разве не брат ей? Я же всегда говорила, разве не ты отвечаешь за сестру? Ещё в королевскую гвардию идти собрался, недотёпа. Хоть кол на макушке ему тёши! Вы и Богине подношения не принесли — вот беда и постигла! Ээх...

— Ну, хватит, — прервал её низкий голос отца. — Йед тут не виноват, землетрясение не по его воле случилось. В последний раз такое было, когда у меня ещё борода не росла. Главное, Тания цела, а не он бы — лежать ей теперь заваленной в одной из этих пещер. Она сама себе голова, и нечего с неё ответ снимать. Будет впредь умнее.

Тания опять услышала недовольные вздохи и причитания матушки. И снова отцовский голос.

— Да будет тебе убиваться, всё у ней заживёт! Но за порог ей выходить нельзя, пока в себя не придёт. А к Пещерам опять подниматься и вовсе запрещаю. Тогда, в моей юности, после первого удара ещё много раз землю потряхивало, пока не успокоилось. У горных склонов теперь опасно.

Последние слова он бросил уже под скрип закрывающейся двери.

— Йед, ты проследи, она тебя лучше слушает. А я обратно в кузню — там хлопот не оберёшься. Хорошо без пожара обошлось.

И дверь за ним захлопнулась.

До ночи у Тании кружилась голова, а попытки встать вызывали тошноту. По счастью, ранение оказалось не столь серьёзным. Уже со следующего дня она стала приходить в норму. Быстро возвращалось и её обычное бодрое настроение. Однако отцовский запрет на поход к полуразрушенным пещерам Тания нарушать не осмеливалась.

Кузнец оказался прав: подземные удары повторялись ещё не раз. В деревне землетрясение вызвало переполох. В некоторых хозяйствах случились пожары — их, к счастью, успели вовремя потушить — но большей проблемой оказалось смятение, которое катаклизм вызвал в умах селян.

— Какие новости? — спросила Тания брата прямо с порога. — Что там в деревне говорят? Ну, о землетрясении?

Йед, только что вернувшийся из отцовской кузни, задумчиво почесал в затылке.

— Говорят? А разное говорят. Все разделились... на несколько лагерей. Староста не видит в землетрясении ничего сверхъестественного, говорит это вроде бури или грозы, только под землёй, а не в небе. Но другие увидели дурное знамение о грядущих бедах. Третьи, что это люди своими несправедливыми деяниями навлекли на себя гнев Шамины. Четвёртые — что пробудились древние армии, погребённые под Закатными горами, и что они скоро выйдут на поверхность ради последней битвы, которая уничтожит всё живое. Впрочем... Больше всего тех, кто отнёсся ко всему с долей равнодушия. Они просто продолжают заниматься повседневными рутинными делами, как наш отец. Думаю, благодаря им пересуды со временем утихнут, а деревня о происшествии забудет.

— Ясно... Значит ничего особенного так и не произошло...

— А что такое особенное должно было произойти? — насторожился Йед.

— Там, в Поющих пещерах. Мне тогда показалось, будто кто-то хочет меня предупредить. Даже не знаю кто, и о чём... Может это древние Титаны, что спят под Закатными горами? Мне стало там... странно. Нехорошо, будто что-то скоро должно случиться, что-то плохое. Потому мне и захотелось оттуда уйти.

Любой другой на месте Йеда рассмеялся бы, но Йед не стал. Он оставался серьёзен и взглянул на сестру с подозрением.

— У меня тоже порой бывает похожее предчувствие. И вчера у тех пещер тоже, только я никак не мог понять, что всё это значит... Но сегодня, между делом, придумалось вот что. Я там услышал вначале гнетущий звук, да и ты тоже говорила, что песня пещер изменилась. А здесь, в деревне, все собаки, говорят, с ума посходили. Может, перед землетрясением из земли выходит что-то дурное? Может там, в горах, мы тоже это почуяли, что те собаки? Только не сразу поняли?

Тания задумалась. В отличие от неё, Йед всегда искал каждому событию рациональное объяснение, и она по опыту знала, что суждения его часто оказывались верными.

— Знаешь что, — вдруг молвила она. — Я хочу извиниться.

Йед невольно поднял бровь.

— Да не за себя, — отрезала Тания, поймав его взгляд. — За матушку.

— Вот как? И что она мне плохого сделала?

— Она тебя всё время за меня ругает. Не уследил, не уберёг, и всё такое. Каждый раз, когда со мной что-то случается, виноватым оказываешься ты. И всё это получается как бы от моего имени, хотя меня никто не спрашивал... Но так нечестно.

И вот теперь Йед рассмеялся.

— Так я на неё и не обижен! Уж точно не за это! Я же должен за тобой присматривать, раз тебе брат.

— Не должен! — рявкнула Тания. — Как ты не понимаешь! Я вам не вещь! И это я здесь должна обидеться, а вовсе не ты!

Йед уставился непонимающим взглядом.

— Но даже отец... Помнишь, как он всегда говорит: «человек должен быть настоящим!» Он тогда учил нас ответственности. Разве старший брат не должен отвечать за младшую сестру? Что здесь неправильного? Я никак не возьму в толк, что здесь не по тебе.

Тания лишь досадливо махнула рукой.

— Тьфу на тебя. Ничего ты и теперь не поймёшь. Отец тогда говорил об ответственности за себя, а не за других. А вы с матушкой... у вас всё выходит наоборот!

Она хотела сказать что-то ещё — и даже много чего сказать, излить на Йеда всё негодование, что так регулярно накапливалось у неё в душе. Но слишком поторопилась: слова, чтобы ясно выразить собственные мысли, в голове созреть не успели. И она в замешательстве замолчала.

Йед немедленно воспользовался этой паузой.

— Что значит «ответственность за себя»? — удивлённо произнёс он. — Разве ответственность не означает заботы о других? Иначе это эгоизм какой-то получается! Никак не понимаю, чего ты с этого всегда так бесишься. Никто же тебя взаперти не держит, ну что тебе не сидится спокойно? Да и матушка тут при чём? Отцу твои выходки и вечные истории, в которые ты вляпываешься, тоже не нравятся!

Тания сделалась пунцовой от злости.

— Ты этого до сих пор не понял, потому что безмозглый дурачина! — воскликнула она в сердцах.

На том их разговор тогда и окончился.

Спустя пару недель присмотр за Танией ослаб, и она решилась этим воспользоваться. Подземные удары к тому времени давно не повторялись.

* * *

Тания стояла, растерянно осматривая склон с Поющими пещерами. То есть, когда-то они были Поющими... Тропы, что зигзагами поднимались по склону, ещё угадывались, но сами пещеры оказались завалены. Наискось по склону шла уродливая трещина, она тоже местами засыпалась камнями, а горная порода сбоку от неё осела.

Справа, у начала тропы, так и стояла статуя Шашины, нетронутая. Да только кому она тут теперь нужна?

— Ну и как это называется? — раздался голос из-за спины, так что Тания вздрогнула. — Я скажу. Форменное свинство!

Йед стоял, скрестив руки на груди.

— Зачем так меня подставляешь? Отец же ясно запретил сюда ходить. Неужто так невтерпёж было?

— Я не собиралась туда забираться, — смущённо отозвалась Тания. — Просто хотела посмотреть, что тут теперь осталось.

— Ну, наверху несколько пещер вроде бы целые. Только пытаться туда лезть — верный способ сломать себе шею. Может, назад теперь? Больше тут ничего не выразишь.

Тания неуверенно кивнула, бросив последний взгляд на злополучный склон: статую Шашины, восходящую тропу и трещину...

— Нет, стой! Йед! Смотри, там новая пещера появилась! Раньше не было!

Он оглянулся. У дальнего конца тропы, из самой трещины зияла чёрная пустота — она явно уходила вглубь горы. Похоже, землетрясение вскрыло вход в какой-то грот, доселе не доступный.

— Я только гляну одним глазком, что там, и потом мы быстро-быстро назад, хорошо?

Не дожидаясь ответа, Тания стремительно взбежала на склон.

«Ну до чего своенравна!», — раздражённо подумал Йед, пускаясь вдогонку.

— Стоять! — окрикнул он её уже у входа. — Даже не думай, что я дам тебе залезть внутрь или ещё какую-нибудь глупость! Сейчас же уходим, и ты идёшь со мной по собственной воле!

Последние слова он произнёс с особым выражением, стараясь придать лицу отцовской суровости.

В то же время, боковым зрением он заметил, что за чернотой зияющей дыры действительно скрывается обширное пространство.

Тания сердито глядела, не тая досады, а Йед вдруг вспомнил, что не раз уже видел на её лице подобное выражение. Оно значило, что изнутри её жжёт незримый огонь, а он, Йед, стал неприятным препятствием к исполнению её желаний. Но неприятным — не значит, что непреодолимым.

И он решил рискнуть.

— Хорошо. Я спускаюсь туда первый. Скорее всего, ничего там нет, кроме голых стен и мокриц. И тогда мы немедленно возвращаемся в деревню, а ты больше сюда никогда не являешься одна, как сегодня. Обещаешь?

— Обещаю, старший братик! — немедленно повеселела Тания.

Йед виду не подал, но очень обрадовался собственной ловкости: ему ведь удалось поймать сестру в ловушку из её собственных желаний. К данным ему обещаниям она обычно относилась с серьёзностью, не очень свойственной в других делах. Осталось только столкнуть её с реальностью, обыденной и серой.

Он спустился вглубь черноты — через узкий разлом мог протиснуться лишь один человек за раз. Пока зрение привыкало к темноте подземелья, он видел только трещину над головой, через которую проникало немного света. Под ногами попадались мелкие камни, которые сюда насыпало при обвале.

— Ну что там? — послышался снаружи нетерпеливый голос.

— А что ты думала здесь найти? Просто пещера, только побольше тех.

Внутри и впрямь оказалось много пустого пространства. Землетрясение надломило каменный потолок грота, открыв его внешнему миру. Вход, видимо, был давно завален таким же обвалом. А теперь открылся опять.

Йед с недоверием задрал голову к трещине наверху. Так или иначе, находиться здесь опасно. В случае нового удара из-под земли потолок грозил совсем обрушиться.

— Здесь только камни и пыль, уж поверь на слово. Спуститься сюда не дам, иначе отец...

Тут он осёкся на полуслове и замолчал, увидев нечто поразительное.

Оставшаяся снаружи Тания даже встревожилась.

— Что там такое? Почему вдруг умолк?

Ответ последовал лишь после паузы.

— Здесь... нет, это не описать... Ты должна это увидеть...

Тания, удивлённая столь внезапной перемене в настроении брата, нырнула в черноту разлома. Поначалу она тоже словно ослепла, и только когда глаза привыкли темноте, где-то сбоку она различила силуэт Йеда.

Он стоял неподвижно и глядел прямо перед собой — на стену пещеры.

— Смотри... Внимательнее! Ты это тоже видишь?

В том месте, куда он уставился, ничего не было. Тёмная каменная стена — как и везде вокруг. Лишь когда глаза освоились получше, Тания поняла, что так поразило её брата. Посреди стены зияло круглое чёрное пятно размером больше человеческого роста, как будто сделанное состояла из инородного материала. Света внутри хватало, чтобы видеть чёткую границу между обычной горной породой — со всеми мелкими неровностями — и загадочным пятном, не просто абсолютно чёрным, но ещё и совершенно гладким. Тания никогда ещё не видела ничего подобного.

— Что это? — прошептала она. — Какой-то минерал? А вдруг это драгоценная жила? Бывают же наверное и чёрные драгоценные камни? Мы тогда разбогатеем!...

— Он бы тогда блестел... хоть чуть-чуть. Смотри, вкрапления в стенах блестят на свету, а этот нет... как сама чернота. Как будто здесь вообще ничего нет...

Немного поколебавшись, он осторожно коснулся странного круга. Чернота вначале поддалась его пальцам, немного прогнувшись вглубь, но потом сопротивление выросло, и дальше рука не продвинулась.

— Оно упругое и немного мягкое. Это не камень и не минерал.

Он отдёргнул руку. От того места, где пальцы вдавились в черноту, кругами разошлись волны, как по глади воды. Искрясь серебряной рябью, они шустро добежали до краёв круга — и отразились обратно, к середине. Так они сделали несколько пробежек туда и обратно, пока не затухли.

Тания подумала, что если бы эта рябь не мерцала серебром, то её бы попросту нельзя было увидеть. Ведь на столь совершенной черноте не видно никаких форм.

Йед завороченно дотронулся до черноты ещё раз, надавив посильнее. Прикосновение вновь вызвало серебристую рябь, и опять волны послушно разошлись к краям круга, отразились назад и вернулись к центру.

Тут уже и Тания не могла не повторить за братом того же. Благодаря искрящимся волнам стало заметно, что чёрное пятно немного выпукло, как бы выдаётся из стены.

На её лице вдруг отразился испуг.

— Йед, за этой чернотой что-то же есть, так? Там ход, который ведёт куда-то дальше, и он заперт. Это дверь! Но она такая страшная, а сияние такое... могильное... Знаешь, мне опять стало неуютно, как будто кто-то хочет о чём-то предупредить... Что, если истории о Закатных горах всё правда? Что, если это вход в мир мёртвой жизни? Или что под горой спят Титаны древности?

— Не говори... — «глупостей», хотел было ответить Йед.

Но не договорил. Не смог найти простого и обыденного объяснения.

— Не знаю, что здесь такое... Что-то из легенд о Старом мире может и правда, но разбираться с этим точно не нам. Эта штука на стене, она явно из далёкого прошлого, и мы понятия не имеем, чего от неё ждать. Давай вернёмся в деревню и всё там расскажем, а они отправят кого-то с сообщением в столицу.

На этот раз Тания возражать не стала. Всё равно, с этим странным чёрным кругом больше нечего было делать.

* * *

Спустя несколько часов круг из искрящейся черноты растерянно созерцали уже четверо: Йед, Тания, их отец и староста деревни. Танию пускать внутрь вначале не хотели, но в итоге уступили, взяв обещание, что она будет вести себя тихо.

— Между морями много чудес, — разнёсся дребезжащим эхом голос старосты, — но на своём веку ни о чем похожем я не слыхивал. Признаюсь, не поверил вначале твоим детям, но теперь...

— Думаю, надивились мы тут предостаточно, — пророкотал кузнец. — А чудеса эти — не наше деревенское дело. Моё вот дело — железо ковать.

— Твоя правда. Я сам отправлюсь в столицу. Из наших никого так просто не допустят до мало-мальски высоких чинов, но я знаю кое-кого, кто доведёт мои слова до нужных ушей. Времени терять нельзя. Я телегу с собой забираю, а вы в деревню пешком тогда возвращайтесь, да всем скажите, что к склону приближаться нельзя. Только про штуку эту чёрную смотрите молчите, мол обвал тут опять случился или что...

Юркий старик протиснулся из расщелины на дневной свет, оставив в пещере троих.

— Я запрещал тебе сюда являться или не я? — кузнец сурово взглянул на дочь. — Ну что, теперь уж насмотрелась достаточно?

Пока Танию распекали, Йед всё разглядывал загадочный чёрный круг на стене подземелья. А поскольку на самом круге ничего, кроме черноты, более не наблюдалось, то его взгляд стал скользить по каменным стенам вокруг.

И тут он обратил внимание на большую грудку камней — они просыпались сверху, из трещины, аккуратно по правую руку от чёрного круга. Ему вдруг показалось, что из этой груды вроде исходит бледное свечение. Он может и не заметил бы его вовсе, если бы дневной свет, сочившийся снаружи, не был заметно желтее.

— Смотрите! — окликнул он. — Здесь на стене что-то светится!

Когда отец с Танией обернулись на голос, Йед уже разбирал верхушку каменной груды. За ней — в самой стене — обнаружилась прямоугольная пластина. Она и изливала слабое серебристое свечение.

При виде мистического сияния Танию вновь охватило смутное чувство, ощущение важности происходящего. Как на днях, когда она вслушивалась в песни пещер, только теперь куда более ясное. Серебряная пластина словно влекла её, тянула, настойчиво предлагая дотронуться.

Раздался низкий голос отца — почему-то уже позади неё.

— Тания, не трогай это! Йед, останови её!

Однако было уже поздно. Касаться пластины пальцами оказалось вовсе не нужным. У Тании вдруг что-то вспыхнуло в сознании — смутный образ, ажурный символ, который она и разглядеть не успела — а пещеру наполнил низкий звук, похожий на удар в гонг. Пластина тотчас погасла.

В тот же миг чёрный круг рассеялся, как дымовая завеса. На его месте открылось круглое отверстие, тоннель, уходящий вглубь горы.

А за ней сидел скелет человека.

Оставалось лишь гадать, сколько веков он терпеливо ждал в своём тоннеле, опираясь усталой спиной на магическую дверь. Но теперь, когда многовековая опора вдруг исчезла, привычное сидячее положение удержать было нельзя. Скелет накренился немного назад, внутрь пещеры, но тотчас нехотя замер, как бы раздумывая: а нужно ли вторгаться в мир живой жизни, что так бесцеремонно потревожил его покой? Наконец, окончательно утвердившись в сем намерении, он грохнулся об пол. Грудная клетка распласталась у ног перепуганной Тании, а череп откатился к ногам кузнеца.

Глава 4

«Каждый имеет право оставаться дураком и дураком помереть!»

Тания хотела было вскрикнуть от испуга, но при виде выражения на отцовском лице голос застрял в горле. Лицо это можно было назвать каменным, если бы не гневный взгляд из-под густых бровей.

— Этого... было... довольно!

Кузнец выговаривал медленно, размеренно, словно с каждым словом опускал молот на наковальню.

Суеверным человеком он не был, и простым скелетом его не вышло бы напугать. Но такие подземелья могли таить и вполне реальные опасности, посерьёзнее какого-то скелета. Неизвестно, что ещё можно выпустить из-под горы, открыв ту странную дверь искрящейся черноты. Ведь не просто так была она закрыта до сего дня? И даже если она не удерживала ничего мистического, в землях Междуморья хватало опасных тварей из плоти и крови.

— Сейчас же уходим отсюда! Скоро к этому месту пришлют солдат из столицы, а тебе здесь уже точно делать нечего!

Видимо, чтобы придать словам большей значимости, он поднял с пола откатившийся череп и перенёс его к скелету, на то место, где у скелетов обыкновенно и бывают черепа. Так он как бы извинялся перед этим несчастным за причинённое беспокойство. Затем он решительно потащил к выходу Танию, которая, впрочем, уже и не пыталась противиться.

Йед, тем временем, старался не навлекать на себя гнева и без того рассерженного отца, потому просто смотрел в пол. Впрочем, виноватым он чувствовал себя скорее перед сестрой. Он ведь должен был уберечь её от всего этого. Да хотя бы и вовсе не пустить к склону ещё утром, или не говорить ей про чёрную дверь, или не показывать светящуюся пластину в стене...

Кстати, а почему пластина вообще сработала? Ведь он не видел, что бы Тания успела её коснуться... Может, сестра тут и ни при чём?

В этот миг Йед заметил некий предмет возле лежащего скелета — за той границей, где проходила чёрная дверь. И он нагнулся, чтобы рассмотреть получше.

В угол завалилась небольшая книга, или дневник. Он, по всей видимости, принадлежал тому несчастному, чей скелет сейчас распластался под ногами.

— Ну где ты там, Йед? — донёсся отцовский голос, уже снаружи.

Времени на дальнейшие размышления не оставалось. Йед сунул странную книгу за пазуху и поторопился к выходу.

* * *

Дома Йед первым делом рассмотрел свой трофей — книгу из подземелья. Ни он, ни сестра грамоты не знали, как и большинство односельчан. Поэтому он и не надеялся, что сможет в этой книге что-нибудь понять, если только там не окажется рисунков. Но его ждало даже большее разочарование — книга оказалась совершенно пуста. Ни на одной странице не нашлось ни единой надписи, пометки, или даже просто кляксы. На переплёте тоже не обнаруживалось никаких опознавательных знаков — ни названия, ни хотя бы эмблемы или чего-то подобного.

Непонятым оставалось и назначение книги. Книгам из подземелий со зловещими скелетами положено хранить на своих страницах тайные знания, которые деревенским парням вроде Йеда знать не должно. Тогда понятно, почему страницы кажутся пустыми: это какая-то тайнопись, и лишь посвящённый знает, как её проявить. Однако книга была слишком уж тонкой. Если бы все тайные знания Междуморья можно было записать на десятке листов, то даже Йед смог бы выучить их наизусть, и зачем тогда книга?

Быть может, дневник? Того несчастного? Но тогда почему все страницы в нём девственно чисты? Да и не такая уж важная вещь дневник, а ведь это было единственным,

что тот несчастный хранил при себе до конца. Значит она значила для него не меньше, чем жизнь. Наверное...

Интересно, как он там умер? Пытался ли он выйти из того тоннеля наружу и не смог пробиться через искрящуюся черноту, или наоборот заперся от чего-то грозного снаружи? И кем он вообще был в своей древней эпохе?

Ещё Йеда удивил материал, из которого была изготовлена книга. Не бумага, не ткань, не кожа. Вообще что-то непонятное. Страницы книги ни капли не пожелтели от времени, не обветшали. Они до сих пор оставались серебристо-белыми, крепкими, да ещё как-то по-странному пружинили.

Когда Йед понял, что одного ума не хватит, чтобы понять назначение книги, он прибег к физической силе. Попытался вырвать лист-другой, но ничего не получилось, сколько сил он ни прикладывал. Нож, топор, и другие инструменты из хозяйства тоже оказались бессильны — даже царапины не оставили. К серебристым страницам не приставали пятна или грязь: чтобы их смахнуть начисто, всегда хватало провести по ним рукавом. Это казалось особенно странным: какими же чернилами на таком материале предполагалось писать?

Проще говоря, книга оказалась неуязвима. Разве только в огне Йед не пытался её сжечь. Промаявшись с книгой половину ночи, Йед понял, что она совершенно бесполезна.

И вот тогда ему пришла в голову замечательная идея.

Дождавшись утром, как отец уйдёт в кузницу, а матушка займётся хозяйством во дворе, он первым делом разыскал сестру.

— Тания! Смотри-ка, что я тогда нашёл в той пещере! Что скажешь?

При виде странного предмета её глаза сразу загорелись живым огнём.

Пока Йед рассказывал, что он уже пытался с серебристой книгой сотворить, Тания внимательно разглядывала страницы, пытаясь найти на них хоть какой-то изъян.

— Значит мы не знаем чего-то простого, но важного... — задумчиво молвила она. — Ведь тот человек... её владелец... он прекрасно знал, как этой книгой пользоваться и зачем она вообще нужна.

— А знаешь, что мне подумалось... Вдруг он был одним из тех древних Титанов? Ну, тот скелет. Ведь эта книга точно не простая! Она магическая, и значит обладатель её владел настоящей магией. Но простым людям магия недоступна, вот мы и не можем с нею ничего сделать. Выходит, правду говорят легенды. Под Закатными горами спят Титаны Старого мира. Видать, «спят» означает, что они все давно умерли... От них скелеты остались...

— Разве Титаны не должны быть бессмертными? — скептически протянула Тания. — Ну, как все Чтецы, служители Шамины. Да и ростом тот скелет не вышел... Для Титанов-то.

— Наверное, он умер не своей смертью... А может он и не Титаном был, а кем-то вроде их прислужника... Не знаю.

Тут он наклонился ей к уху и перешёл на заговорщический шёпот.

— Но я уверен, что эта штукавина из очень древних времён! Ведь Старый мир погиб десять тысяч лет назад!

— И что ты хочешь с ней сделать? — прошептала в ответ Тания, подражая ему. — Отдашь отцу?

— Не обязательно делать это прямо сегодня. Ведь она ему сейчас и не нужна толком. Вот когда староста вернётся из столицы с сопровождением, тогда я и расскажу отцу про эту книгу, а он уже передаст кому надо. А до тех пор — книга твоя!

Глаза Тании вспыхнули было радостью, но она тут же спохватилась и глянула на Йеда с подозрением.

— Чего это ты стал вдруг такой добрый? А как же твоё жуть какое ответственное кредо «не дам своей непутёвой сестре и шага одной ступить»?

— Я такого вовсе не говорил, — нахмурился Йед. — Никогда не называл тебя «непутёвой».

— Не называл, но подумал!

— Считай, как хочешь. Но ты... Ты же всё искажаешь! Если тебя просто хотели уберечь от беды, что тут плохого?

Больная для них обоих тема вдруг всплыла опять. В такие моменты Йед невольно задавался вопросом: почему всю сознательную жизнь они спорят об одном и том же? Никак нельзя сказать, что они друг с другом враждовали или не могли найти общего языка. В целом, они всегда жили дружно. Но временами... Словно некий проказник намеренно, как бы в насмешку, укоренил в их головах две несоединимые идеи, и теперь наблюдает за ними из невидимого укрытия, тихонько потешаясь и ехидно потирая потные ладошки.

— А то плохо, что так людей от бед не берегут! — отвечала Тания. — Ты всё равно не сможешь быть всегда рядом! «Каждый должен отвечать за себя.» Разве не так нам говорил отец? Каждый должен сам научиться противостоять бедам, а не ждать всякий раз помощи от старшего брата!

— Но если ты увидишь, что кто-то собирается совершить глупый и опрометчивый поступок, разве не попытаешься его остановить?

— Нет! — гордо воскликнула Тания. — Это... он сам так решил! И он сам будет виноват! Зато он сам тогда и поймёт, что так поступать глупо! И в следующий раз будет умнее! А я не стану отнимать у него возможность поумнеть!

— И совесть тебя не заест? Ты же сама тогда станешь виноватой! Если ты знала, что будет беда, но не вмешалась!

— Нет, не стану! Никто не отвечает за чужую глупость! Только за свою собственную!

— А что, если ошибка станет для него последней? Тогда он ничему уже не научится!

— Каждый имеет право оставаться дураком и дураком помереть!

— Йед, Тания!... — раздался голос матери снаружи. — Опять пререкаетесь? Йед, тебя отец зовёт, ему в кузне помощь нужна.

Пока Йед и Тания росли, постепенно выросли и их аргументы. Раньше это были обычные детские распри, но со временем мысли и суждения невольно оттачивались, делались всё серьёзней. Даже иногда по-философски отвлечёнными. Временами им обоим казалось, что явись перед ними седой монах-проповедник с наставлением о воле и смирении — они бы переспорили и его.

Причём каждый по-своему.

Хоть с Йедом они снова разругались, Тания оказалась несказанно рада полученному подарку. Серебристая книга тоже влекла её своей загадочностью, но в отличие от Йеда, загадки притягивали её только сильнее, когда казались неразрешимыми.

* * *

На следующий день после истории со скелетом деревенский староста всё не возвращался из столицы. Странного тут было мало: доехать туда по Королевскому тракту можно и за полдня, но ему требовалось донести своё тревожное известие, не выставив себя сумасшедшим стариком. В семье кузнеца понимали, что добиться этой цели старосте будет непросто, несмотря на всех его якобы важных столичных знакомых. Остальным соплеменникам кузнец от имени старосты запретил появляться у разрушенного горного склона, объяснив это опасностью новых обвалов. Такое объяснение казалось вполне убедительным, и деревня продолжила жить мирной жизнью...

Глава 5

«Человек ли он вообще? — подумал Йед, глядя на синеглазого великана»

Небольшой вооружённый отряд следовал по Королевскому тракту в направлении Закатных гор. Отряд состоял из дюжины солдат, а возглавляли его двое всадников.

Один был одетый в староватое, но вполне добротное, боевое облачение. Латные пластины намекали на знатное происхождение, в отличие от подчинённых — простых солдат в штатной кольчужной амуниции столичного гарнизона. Он являлся, очевидно, их командиром. Каждый кожаный ремешок его снаряжения был тщательно промаслен, чтобы не рассохся, и аккуратно подвязан. Ведь у того, кто готов к сражению, любая мелочь должна оставаться на своём месте. Да и сама броня командующего, пусть начищенная не до парадного блеска, содержалась в полном приличии. Он знал толк в военном снаряжении, ценил его и надевал не только на смотры.

Рядом с ним ехал второй предводитель, резко выделяясь внушительным ростом. Военным человеком он точно не был: меча или иного вооружения не носил, а из-под лёгкого тёмно-серого плаща с капюшоном не просматривалось и намёка на броню. Плащ выглядел довольно просто, так что издали его можно было принять и за робу монаха. Однако изготовленный из дорогой бархатистой ткани, он никак не мог принадлежать человеку низкого ранга. Кроме того, на предплечьях рукавов, как и на полах плаща, виднелись эмблемы: четырехлучевые звёзды, вышитые серебром. Немного вытянуты вертикально, а их четыре луча аккуратно заострились на концах. От каждой звезды расходилось много лучей потоньше, изображая сияние.

Сей священный символ хорошо знал каждый обитатель стран Междуморья. То был знак богини Шамины.

Отряд также сопровождал юркий старик — деревенский староста.

— Твоя деревня, старик? — спросил командир.

— Она, она, ваша милость — услужливо закивал староста. — а за ней уже горы, и тот склон с пещерами...

Командир сурово на него посмотрел.

— Что же, скоро узнаем, по делу ты нас сюда привёл или нет.

— По делу, по делу, ваша милость, как же может быть, что не по делу, — пробормотал тот.

Гигант с серебряными звёздами на рукавах сохранял молчание и лишь внимательно изучал деревню, насколько позволяло расстояние. Внезапно из-под капюшона раздался его голос, вкрадчивый и мягкий.

— Скажи мне, староста, всегда ли в твоей деревне так тихо и безлюдно, как теперь?

Командир и старик оба перевели взор на деревню. У одного во взгляде читалось недоумение, у второго — тревога.

— Никак нет, ваша милость, во дворах обычно всегда работа идёт. И из кузни должен бы дым идти.

Пока отряд подходил к деревне, тревога старосты только усиливалась. Что-то неладное там случилось. Улицы безлюдны, и никто даже не подумал выйти встречать прибывших. Командир приказал тревожно озирающимся солдатам оголить оружие.

И только человек в капюшоне сохранял внешнее спокойствие.

Они начали осторожно продвигаться по пустым улочкам поселения. Староста постучал в первый попавшийся дом, затем в другие. Нигде ответа не последовало. Лишь дворовые псы откликались лаем на поднятый шум.

— Давайте дойдём до кузни, — заговорил перепуганный старик. — Наш кузнец мой старый друг, и он со мной ту пещеру видел. Уж он-то должен объяснить, куда все подевались.

Командир нахмурился и лишь молча подал знак вести к месту.

Но и в кузне тоже никого не оказалось. Судя по всему, огонь сегодня даже не разжигали.

Человек в капюшоне спешил и выпрямился во весь свой немалый рост — раза в полтора выше человеческого. Затем повернулся куда-то в сторону дальних домов, и начал словно прислушиваться к неслышимой музыке, медленно покачивая головой.

— Я вижу здесь только нас — заговорил он наконец. — Кажется, нет больше никого... никого живого.

От последнего слова староста вздрогнул, а солдаты тревожно переглянулись, словно готовились к битве с врагом.

Тут гигант снова прикрыл глаза.

— Хотя нет, кто-то здесь лишний...

Сказав так, он резко развернулся и пристально посмотрел в направлении одного из проулков.

Староста, командир, и все солдаты повернули головы в том же направлении. Оттуда, издалека, на них смотрел рослый юноша, не решаясь приблизиться.

Старик его сразу узнал.

— Йед, мальчик! — обрадовался он. — Ты ли это?

Йед неуверенно подошёл к отряду, а староста отметил на его лице странное опустошённое выражение. Нет сомнений, здесь приключилась какая-то беда.

Однако в разговор счёл нужным вмешался командир, бесцеремонно отстранив старика.

— Я капитан столичного гарнизона. Обращайся ко мне сэр Тарбис. У меня королевский приказ расследовать, что у вас тут в горах случилось. Подле меня, — он почтительно кивнул в сторону человека в плаще, — кровный служитель Богини, сам Посланник Синода Маэл. Услышав рассказ вашего старосты, он выразил обеспокоенность и настоял на личном участии. Для тебя, юноша, и для всего вашего поселения величайшая честь видеть здесь Посланника Маэла.

— Перед тобой Чтец, — ощерился староста в глуповатой улыбке.

Он действительно считал большой честью общество высокого незнакомца.

Йед не знал точно, кто такие Чтецы, но слышал о них много. Про них говорили, что это колдуны, владеющие немислимой силой. А кто-то считал их полубогами. Ходили слухи, что Чтецы бессмертны, а некоторые из их рода даже видели Старый мир своими глазами. Но доподлинно было известно только то, что все они — ближайшие слуги и доверенные сподвижники Богини. Их вотчиной был далёкий Священный город, запретный для смертных.

— Итак, юноша, звать тебя Йед, — продолжил капитан, презрительно покосившись на старосту. — Докладывай мне и служителю Маэлу, что здесь произошло. Куда ушли жители?

На лицо Йеда мигом вернулась опустошённость.

— Никто не ушёл, сэр Тарбис, — понурил он голову. — Они все здесь.

Голос прозвучал глухо, как на кладбище.

— Так где же они, Йед? — не выдержал староста.

— Все мертвы, — последовал тихий ответ.

Лицо старосты застыло и непонимающе уставилось на Йеда. Среди солдат разнёсся тревожный шёпот.

— Отставить разговоры! — немедленно скомандовал капитан.

Даже Посланник Маэл счёл ответ Йеда настолько тревожным, что впервые за всё время опустил капюшон, открыв голову.

Голова эта не имела волос. По гладкой коже черепа широкими мазками проходили кривые полосы, словно отливавшие синеватым металлом. Они уходили куда-то под одежду Чтеца, покрывая, вероятно, всё его тело. Но чудней всего были его глаза: они словно блистали ярко-синим цветом, настолько чистым и глубоким, что заставили бы померкнуть и ясную синеву полуденного неба.

«Человек ли он вообще?» — подумал Йед, глядя на синеглазого великана.

Посланник Маэл заговорил вкрадчивым голосом, выражающим обеспокоенность и наибольшую долю сочувствия, какую только персоне его статуса могла выказать простолюдину, не нарушая при этом правил приличий.

— Это чудовищная трагедия, юноша, и она отзывается во мне неопишуемой болью. Да блаженны будут эти несчастные в мире мёртвой жизни... Но ответь нам, от чего они умерли столь внезапно? Ведь староста, — он указал рукой на старика, — покинул вас всего пару дней назад.

— Спустя всего день у нас разразилась чума. Хворь никем из нас прежде не виданная.

— Но как чума могла истребить всю деревню так быстро? Вы посылали за лекарем, когда появились первые больные?

— Мы ничего не успели сделать. Все слегли почти разом... От лихорадки ничто не спасало, и вскоре люди начали умирать — один за другим, как мухи. Словно это была чья-то злобная воля, словно всю деревню накрыло чёрное проклятие. Всё закончилось спустя ещё день — сегодня. Отец скончался пару часов назад. Он был последним...

— В таком случае, мне нужно осмотреть тела, — заявил Маэл тоном, не терпящим возражений. — Отведи нас.

Йед повёл Маэла с отрядом к своему дому. Там, во дворе, под навесом лежало два тела, мужчины и женщины.

Староста с ужасом прикрыл рукой полураскрытый рот. Он сразу признал в них родителей Йеда — кузнеца и его жену.

Между солдат снова пронёсся шёпот, только на этот раз капитан не обратил на нарушение дисциплины никакого внимания. Его внимание полностью поглотили два этих тела.

Они словно частью окаменели. Кожу покрыла каменная на вид корка, подобная наростам лишайника. Она будто выплавилась наружу ещё при жизни погибших. На первый взгляд, жутковатое зрелище могло вызвать лишь омерзение, однако в странных узорах корки угадывалось и нечто иное: таинственное, притягательное... даже прекрасное.

О таком виде чумы сэр Тарбис прежде не слыхивал. Он сделал шаг вперёд, чтобы разглядеть тела получше. И тогда заметил, что каменные наросты испещрены множеством кривых линий, как на древесном срубе. Только линии эти рисовали не кольца, а складывались в диковинную сеть геометрических узоров. Пока капитан вглядывался в эти гипнотические фигуры, ему на миг показалось, что он вот-вот разглядит в них картину, послание, оставленное неведомым художником... Но мираж тотчас рассеялся, а узор вновь рассыпался множеством бессмысленных полос.

И тогда у него возникло непреодолимое желание проверить, действительно ли этот нарост на телах состоит из камня? Он уже хотел было ткнуть одно из тел остриём меча, дабы проверить на твёрдость, но его тотчас остановил окрик Маэла.

— Ни шагу вперёд! Тела — не трогать!

Из голоса Чтеца куда-то подевалась былая вкрадчивость, а появились металл и решительность. Капитан тут же отпрянул, смущённо закашлялся, а дабы замаять допущенную оплошность, сам прикрикнул на солдат:

— Слышали приказ? Тела не трогать! Даже не дышать в их сторону! Всем ясно?

— Так точно! — ответил мрачный хор.

Так все молча стояли и понуро рассматривали изуродованных покойников. Наконец, староста осознал, что тела перед ним лежит всего два, а не три. И в душе старика забрезжил лучик надежды.

— Йед, мальчик мой, где твоя сестра? Что с Танией?

Глава 6

«Я вижу их! Звёзды во тьме...»

«Где твоя сестра? Что с Танией? Она жива?» — эти слова колоколом прозвучали в сознании Йеда. Лицо его тотчас исказилось гримасой, тело затряслось, и он упал перед растерянным стариком на колени.

— Прости меня... я совершил ужасное... — бессвязно бормотал он. — О Тания, я виноват, прости меня!

Тут мёртвые улицы огласил суровый лязг металла — капитан вынул из ножен меч. И начал чеканить тренированным командным голосом.

— А ну поднимайся, юнец, и глаза на меня! Отвечай, не мямли, пока хуже не стало! Где твоя сестра, о которой старик говорит?! И почему ходишь тут один живой-здоровый среди мертвецов? Не сам ли и есть тот колдун, что наколдовал бедолагам чуму?

Терпение его, похоже, лопнуло. Ему надоело, что он до сих пор ничего не понимает в происходящем, а сердце воина требовало ясности.

Только Йед от такой вспышки гнева и вовсе опешил.

— Я... я... не колдун... Сэр Тарбис... — оправдывался он, испуганно пятясь.

Тут в дело решил вмешаться сам Маэл. Всем давно уже было ясно, что именно он тут главный.

— Умерьте свой пыл, сэр Тарбис! — великан мягким жестом положил руку на капитанское плечо. — Ну сами посмотрите, какой из этого юноши колдун? Опустите свой доблестный меч, и не стражайте Йеда лишний раз. Ведь он и без того лишился тут всей родни.

— Он!... На колдуна не похож, пожалуй... — смущённо осёкся командующий.

— Позвольте, сэр Тарбис, я разужнаю у него всё, что тут случилось, в мельчайших подробностях. — проворковал Маэл, мягко отстраняя капитана. — Всё, что знает, он мне расскажет. Ведь знать потаённое — первая из задач Синода в служении Святой Владычице. А значит и моя, как его Посланника.

— Конечно! Ваша милость...

Капитан вложил меч в ножны, ударил себя кулаком в грудь в знак покорности и отошёл в сторону.

Йед заметил, как странные полосы на лысой голове Чтеца вдруг ожили, задрожали бледно-лиловыми отсветами, споря с дневным светом.

Кольнуло дурное предчувствие...

— Не бойся, юноша, — заговорил Маэл, неспешно оборачиваясь. — Многие находят это неприятным, но солнце клонится к Закатным горам. Времени на расспросы больше нет.

Йед неуверенно отступил на шаг, прикидывая в уме пути бегства, но тут Маэл взглянул ему в лицо.

Взглянул всей синевой своих глаз. Так взглянул, что вмиг заполонил сознание небесной лазурью — целиком, до самого доньшка. Разум словно отключился, и оторваться от глаз Чтеца Йед уже не смог. Ему казалось, что они блистают, как две яркие звезды с неба, лучатся колдовской синевой. И только о ней он мог думать, только в ней видел смысл всей жизни.

Вот уже не человек перед ним со звёздными глазами, а сами звёзды. И не две, мириады звёзд... всё звёздное небо взирает на Йеда! Каждая звезда — чей-то взгляд, луч, что не знает препятствий, пронзает тело насквозь, достигает потаённых уголков души. Нигде не скрыться от звёздных взглядов-стрел...

Не осталось вокруг никакой деревни, гор, капитана Тарбиса, старосты, солдат, обезображенных чумой тел. Только сверкающее небо над головой и бескрайний простор вокруг. А небесные стрелы-лучи продолжали пронзать тело, мысли, жечь трепещущую душу.

Тут Йед испугался. Испугался, что сам исчезнет, растворится под живым взором звёздных небес. И страх его тотчас отрезвил, вырвал из транса, помог скинуть колдовской морок. Он сорвался с места и бросился прочь, палимый колючим звёздным светом.

Да разве убежишь от неба? Сколько ни беги, а оно вечно над головой. Нигде не спрятаться, не укрыться, всегда останешься на самом виду. И под ногами... что это? Поле ли? Уже нет, какая-то вода... зеркальная гладь под ногами. Небесные россыпи отражаются и в ней, смотрят на Йеда из-под ног.

Почему он не тонет, почему бежит по водной глади, как посуху? Почему она остаётся невозмутима, как зеркало, только от ног расходятся сверкающие круги? Нет ответа, молчат звёзды. Смотрят, насмешливо подмигивают, переливаются немыслимыми цветами, каких не увидишь больше нигде.

Вот и круги на воде померкли, и зеркальной воды уже нет. Только Йед остался и звёзды кругом. Сверху — звёзды, снизу — звёзды. Слева и справа, впереди и позади — тоже они. Нет в мире ничего более. Звёзды и чернота.

А есть ли он сам в этой сверкающей вселенной? И был ли? Быть может, он тоже одна из бесчисленных звёзд?

Да, наверное так... Он — такая же искорка из мириада. Кажется, всегда и был звездой, всю вечность. А тот прежний мир с Танией, деревней, пещерами, чумой — какой-то странный кошмар, морок, чьи путы он только что скинул.

— Приветствую, братья и сёстры! — крикнул Йед в сверкающую бесконечность. — Я вернулся!

Ничего не отвечают звёзды. Молчат и смотрят. Смеются звонким мерцанием.

Но и у звёзд есть дар речи.

— Покажи, покажи нам, что ты видел... Покажи, что было в деревне.

— В деревне? — удивился Йед. — Ах да, тот сон... Странный сон. И страшный.

— Покажи, покажи нам, — настойчиво щекочут звёздные лучики.

— Хорошо, — отвечал им Йед. — Я покажу вам мой кошмар....

И начал вспоминать.

* * *

— За сим... я благословляю вас, — прохрипел низкий голос.

Йед и Тания стояли перед умирающим отцом. Здоровье кузнеца — что закалённая сталь, но и она растает под жаром огня. К тому времени чумной огонь уже поглотил почти всех, включая и матушку.

Брат с сестрой не знали, почему чума до сих пор не тронула их двоих.

— Уходите из деревни... — хрипел отец. — Не ждите помощи. Не трогайте умерших, не хороните. Спасайтесь. Выживите всеми средствами, ибо в... время на исходе... И самое... самое главное... что бы ни...

Слова прервал трескучий кашель.

— Что бы ни случилось... вы должны оставаться настоящими. Это важнее всего...

Он с трудом протянул закаменелую руку к Тании. Остекленевшие глаза его почти не видели. А быть может, напротив, им открывался совсем другой мир.

— Звёзды... — прошептал он сквозь забытё. — Я вижу их! Звёзды во тьме...

И рука его упала. Так Йед и Тания остались одни.

Теперь же они собирали свои нехитрые пожитки в дорогу. Случившееся было сродни концу света: их родной мир в одночасье, без предупреждения, рухнул и сгорел дотла, оставив лишь пепел и пыль — как напоминание о том, что у них когда-то было. Неведомый судья вынес жестокий приговор, который нельзя было обжаловать. Единственное, что теперь осталось у них от прошлого — это память. Всё, что они могли с этим прошлым делать, — перебирать его по событиям, перетасовывать, чтобы понять, как такое произошло.

— Думаешь, можно было спасти хоть кого-то? — произнесла Тания. — Хотя бы отца. Он долго держался, может, если бы мы ночью отправились в город за помощью, то успели бы...

— А вернувшись, застали бы тут кладбище, как сейчас. Ты видела, как стремительно всё случилось. Только отец умер бы один, без нас... И как мы могли ночью догадаться, что начинается *такое*? Отца просто лихорадило немного, мало ли от чего. А когда всё стало ясно... Поздно было.

Помолчав, Тания всё же спросила:

— Думаешь это всё случилось из-за той пещеры с чёрной дверью? Эта чума оттуда?

— Не иначе. Землетрясение выпустило на свободу древнее проклятье.

— Тогда не нужно было мне туда лезть. Чёрная дверь осталась бы закрыта... Отец пытался меня остановить, но мне очень хотелось узнать...

— Не вини себя. Отец ошибался, это ведь не ты открыла ту дверь. Он стоял сзади и толком не понял ничего, а я всё видел. Ты даже не трогала ту серебряную пластину. Она сработала сама...

Тания серьёзно на него посмотрела.

— Нет, Йед, это ты ничего не понял. До той пластины и не нужно было дотрагиваться руками. Она как-то иначе работает, от одной мысли. Она мне откликнулась... Вернее, дверь открылась по моему приказу, а в голове у меня вспыхнуло что-то непонятное. Это наверное ответ был, что приказ исполнен.

Йед поначалу не хотел воспринимать заявление сестры всерьёз. Однако колдовство, основанное на силе мысли, не было такой уж невидалью. Им владели все кровные служители Шамины, потому их и называли Чтецами — благодаря способности читать мысли людей. Они с Танией не могли, конечно, владеть подобной силой, но если та пластина на стене сама несла её частицу?

В конце концов, должна же быть причина, почему дверь Титанов вдруг сама по себе рассеялась? Она выдержала неизвестно сколько столетий под землёй, ужасное землетрясение, наверняка не одно, но открылась почему-то сама, лишь только Тания приблизилась к роковой пластине...

Только теперь Йед осознал, что всё это значило. Он изменился в лице.

— Что?! Так это именно *ты* открыла чёрную дверь?! Зачем?!

Тания лишь виновато опустила голову.

— Прости... Я толком не понимала, что делаю. Просто сказала что-то той пластине, а она сработала. Если бы я знала, что это значит «открой дверь», я не стала бы...

Йеда такой ответ только пуще разъярил. Погибла вся деревня, сотня человек, с которыми они выросли. Их отец и мать умерли лютой смертью, вся жизнь оказалась разрушена. Это всё произошло целиком из-за неуёмного любопытства сестры, и что же она? Просто говорит «прости»? Что значит это слово против всего того, что они сегодня потеряли?

Гнев и возмущение перемешались в его душе с болью утраты и отчаянием, и эта жгучая смесь кипела, пенилась, неумолимо заполняя всё его существо.

Йед затрясся и заревел, словно дикий зверь.

— Так это ТЫ?! ТЫ выпустила проклятье! ТЫ виновата в этом кошмаре!

— Йед, погоди, успокойся, не говори так!

— Зачем?! — гремел он. — Зачем ты это сделала?! Отвечай!

— Я... мне просто хотелось узнать что там... — лепетала Тания. — За дверью... Я сожалею, я бы всё изменила, если б могла...

— Ты сожалеешь? — прошипел Йед. — Тебе хотелось узнать? Да ничего этого просто бы не было, если бы ты не приближалась к той двери! Ничего бы не было, если бы ты вообще не пошла к Пещерам после землетрясения! Ничего бы не было, если бы ты слушала отца и меня! Ничего бы не было, если бы ты не хотела чего ни попадя!

События последних дней внезапно сложились в единую цепь. В центре их находилась его сестра, а итогом явилась мёртвая деревня и два обезображенных тела во дворе. Но понимание ничего не давало, ведь начало цепи осталось в прошлом. Нельзя вернуть всё на круги своя, и толку тогда от понимания причин?

К тому пламени, что жгло его изнутри, добавился яд бессилия.

Йед вдруг услышал зловеще ровный голос, как бы со стороны. Он даже не сразу понял, что говорил сам, настолько незнакомым этот голос казался.

— Ты сожалеешь? Разве ты не понимаешь? Это ты виновата в их смерти. Это ты их убила. Твоё желание! Тебе просто захотелось открыть чёрную дверь! А теперь, вернёт ли их твоё сожаление?!

Но тут он замолк, увидев нечто такое, что поразило точно как там, в пещере, когда он впервые увидел ту чёрную дверь.

Он не помнил, чтобы Тания когда-то плакала, но теперь из глаз её текли слезы.

— Их убила не я, а чума из подземелья. А ты... ты ещё хуже чумы.

Её трясло. Она обхватила руками стучащие виски, развернулась и бросилась прочь из дома.

Через мгновение Йед кинулся ей вдогонку.

Но догнать Танию и в прежние времена было пустой затеей, если только она сама не хотела, чтобы её догнали. Он гнался за ней по безлюдной деревне, пытался остановить окриками, от которых та только ускорялась пуще, как от бича.

Затем деревня кончилась, и Тания направилась в сторону леса. Йед припустил так быстро, как только мог. Ведь стоит ей достичь леса, и найти её там будет невозможно.

Но когда он, еле дыша, добрался до опушки, Тании уже нигде не было видно.

Он её звал, бродил среди деревьев, безуспешно пытаясь высмотреть между стволами. Но углубляться дальше не было смысла. Тания могла скрыться в любом направлении, лес велик, а он — один. Оставалось надеяться, что сестра спустя время успокоится и решит вернуться сама. Лес она знала хорошо, и вряд ли заблудилась бы в нём, но выйти из него могла где угодно. А значит, оставалось ждать, что она сама придёт в деревню — лишь бы успела до темноты.

И Йеду тоже ничего не оставалось, как медленно побрести обратно. Возвращаясь, он и наткнулся на отряд капитана Тарбиса с Посланником Маэлом.

Глава 7

«На месте Йеда капитан Тарбис точно предпочёл бы быть закованным в кандалы»

Йеда мутило. Маэл вывернул ему мозги наизнанку, а тело теперь запоздало пыталось повторить за ними то же самое. Хотя староста и пытался ему помочь, как мог, но после пребывания в звёздном мире Йед с трудом понимал, кто вообще такой и зачем тут находится.

Тем временем, Посланник Маэл и капитан Тарбис вели разговор друг с другом в стороне.

— Ваша милость, вы поняли, что здесь произошло? — спрашивал капитан. — Откуда на деревню напала эта страшная чума?

— Помните недавнее землетрясение? Оно вскрыло древнее подземелье в горах, и селяне имели неосторожность туда пролезть. Нет сомнений, чума пришла оттуда.

— Но кто, или что, сотворило её? Какому колдовскому отродью такое по плечу? И чья злобная воля направила её на деревню?

— Не думаю, сэр Тарбис, что эта трагедия случилась по чьей-то разумной воле. Творцы сгинули в веках, но их творение дожило до наших дней, а освободившись, просто исполнило своё назначение — убивать.

Чтец заговорил тише.

— Полагаю, капитан, что эта чума — порождение Старого мира.

Слова эти не избежали ушей солдат Тарбиса. Услышав про Старый мир, они насторожились и притихли. В воздухе повисла гнетущая тишина.

Нарушал её только Йед, который кашлял и тяжело дышал, всё ещё стоя на коленях. Рядом с ним суетился и охал староста.

Маэлу пришлось отвести капитана за угол дома, чтобы продолжить разговор наедине.

— Для вас не секрет, капитан, что по меркам Синода я довольно юн. Мне нет даже трёх сотен лет, и я не видел ужасов Старого мира своими глазами, потому не смогу утверждать наверняка. Но я слышал об этой чуме, и выглядит всё очень похоже... Если это она, — он махнул рукой в сторону изуродованных тел, — то у бедняг не было ни единого шанса.

Капитан Тарбис нахмурился.

— Но ведь Старый мир исчез десять тысяч лет назад... Так говорят легенды... Неужели чума могла сохраниться так долго?

— В подземелье вполне могла... В темноте, без солнечного света. Но видите ли, чума эта не обыкновенная хворь, которая просто поражает каждого встречного. Она обладает собственным разумом, который преследует одну цель — истребление всех людей в лагере ли, деревне ли, городе ли, куда бы она ни попала. После появления первого заражённого деревня была обречена. Проникнув в поселение через одного человека, чума эта никак поначалу не проявляется. Она тихо распространяется между жителями, поджидая своего часа. А вот когда заразит всех, впивается клыками в каждого, как хищник в добычу. Это и случилось минувшей ночью. Так как все спали, большинство даже не осознало опасности. Только наутро им стало ясно, что бедствие охватило всю деревню. Однако было уже поздно... Впрочем, простой лекарь, будь он тогда в деревне, не помог бы. Разве лишь Приорат целительниц смог бы управиться...

— Но что будет, если эта чума проникнет, например, в столицу? — тревожно спросил капитан.

— Столица вымрет за день, — спокойно произнёс Чтец. — Хотя... Через несколько дней, пожалуй. Потребуется больше времени, чтобы зараза разошлась по такому городу. Но после начала болезни люди долго не живут. Так или иначе, мёртвую деревню нужно сжечь дотла. А вам, капитан, да и вашим солдатам запрещено возвращаться в столицу. Пока я не буду уверен, что никто из вас не заражён. Ведь если чума проникнет туда, даже жрицам Шамины вряд ли удастся спасти всех... Слишком их мало.

Тарбису этот приказ пусть и не понравился поначалу, но поразмыслив, он счёл его разумным. Ведь рисковать столицей ему, её защитнику, недопустимо. И неважно, что за враг у ворот: людские армии, вооружённые сталью, или незримое проклятье из Старого мира.

— А... что насчёт вашей милости? — осторожно поинтересовался Тарбис.

— Против меня и моих братьев любая зараза бессильна. Даже такая чума. Мы ведь почти как боги, капитан.

Сэр Тарбис отдал приказы, и его солдаты без промедления приступили к выполнению задачи — сжечь деревню. Дело, надо сказать, оказалось простым — дерево и солома занялись легко. Йед, который пришёл уже в себя, с грустью наблюдал, как горит его родной дом.

Пусть даже дом этот превратился в проклятый склеп.

— Теперь, юноша, — вкрадчиво заговорил Маэл, — мы направимся к горам, и осмотрим подземелье, откуда вышла эта чума. Ту злосчастную дверь я закрою.

Йед нехотя отвлёкся от созерцания пожара, который служил погребальным костром тем, кого он ещё вчера видел живыми. Когда же до его сознания дошёл смысл слов Посланника Синода, он резко встрепенулся.

— Нет, нет, я не могу идти! Моя сестра! Тания! Она может вернуться сюда, к деревне! И я должен ждать её здесь!

Он умоляюще протянул руки к Посланнику Синода.

— Пожалуйста, всемилостивейший господин. Велите сэру Тарбису обыскать лес. Помогите её найти! Я бы и сам туда пошёл, но я всего один, а с вами дюжина солдат...

Чтец нахмурился.

— Перво-наперво нужно закрыть чёрную дверь в горах. Ведь за ней оказался осколок Старого мира. Таких осколков почти не осталось, но раз в столетие бывает обнаружится что-нибудь из тех проклятых времён... Каждый раз это что-то совсем разное, но у таких событий есть одна общая черта: они тянут за собой роковые последствия. Неизвестно, что ещё может из тех пещер вылезти, пока дверь остаётся открытой. И неизвестно, каких ещё бед это нам принесёт. Не допускать подобного — ещё одна задача Синода в служении Святой Владычице. И моя, как его Посланника.

Йед всё ещё пытался возражать, но Маэл остановил его властным движением ладони.

— Солнце уж садится, юноша! И нам нельзя отвлекаться на лесные поиски.

Однако чуть поразмыслив, Посланник Синода всё же смягчился.

— Впрочем... тебе незачем с нами идти, ведь ты рассказал, что знал. Поэтому оставайся тут и жди сестру. Мне, кстати, тоже хотелось бы с ней поговорить... Сэр Тарбис, так и быть, оставит тут пару солдат для охраны или помощи, в случае чего. Говорят, на Королевском тракте видели разбойников...

Посланник Синода прошёл мимо недовольно нахмурившегося капитана, и тихо сказал ему — так, чтобы Йед не слышал:

— Пусть не дадут ему уйти, пока я не вернусь. Ни одному, ни вместе с девочкой, ежели она явится.

Командующий понимающе кивнул и дал знак двум своим мечникам. А затем обратился к старосте.

— А ты, старик, веди нас к Поющим пещерам. Надо засветло успеть.

* * *

Солнце уже скрылось за склонами предгорий, и долину внизу накрывало тенью. Здесь, у Поющих пещер, уже наступали сумерки, но догорающая вдали деревня пока освещалась багровым солнцем.

Но даже там армия Света вынуждена была отступать на восток, постепенно сдавая землю неприятелю, клочок за клочком. Что же, такова судьба этих армий, которые ведут свою нескончаемую битву ровно столько, сколько стоит этот мир.

Как раз в это время на склоне возник человек. Он протиснулся наружу через разлом, из дыры в его нижней части, что уходила в чрево горы. Выпрямился во весь свой внушительный рост, с удовольствием потянул мышцы, будто разминаясь после долгого сна. Вдохнул в лёгкие свежий вечерний воздух. Окинул взором чистое синее небо, пожухлую от летнего жара долину, сухой лес...

И улыбнулся.

Лёгкий ветерок щекотал ему кожу на лице, на руках, на нагом торсе. Он с удовольствием позволял ветру эту игру с его телом. Ведь под землёй нет ветра. И даже выходящая в воздухе назойливая мошкара не смогла бы нарушить его счастья. Ведь и её тоже не было под землёй. Там вообще не хватало многого...

Интересно, что изменилось в мире, пока он спал под горой? Наверное, немало. Должно быть, мир теперь не узнать.

Он оглядел склон позади и нахмурился. Да тут, похоже, целый катаклизм случился! Тропы есть, значит люди бывают. Интересно, какие они сейчас? А в конце тропы... Что там за изваяние?

Он подошёл к статуе—столбу Шамины и стал её с интересом разглядывать.

Похоже на довольно примитивное искусство, если на искусство вообще. Значит, статуя здесь не для того, чтобы радовать глаз красотой. У неё должно быть какое-то практическое назначение. Ну и зачем она тут стоит, в столь диком месте? Кто она вообще?

Отойдя немного назад, он ещё раз окинул статую взглядом. И тут нахмурился сильнее. Снова приблизившись к статуе, внимательно осмотрел её всю, с ног до головы. А когда дошёл до четырехлучевой звезды на капюшоне, немного вытянутой сверху вниз, то даже прикоснулся к ней пальцами, будто хотел проверить, не игра ли это света и тени.

Пальцы погрузились в каменные бороздки.

И тогда на лице у него нарисовалась тревога. Яркие—синие глаза впились в каменные глаза статуи, кулаки непроизвольно сжались, а скулы заиграли желваками от напряжения.

Он до последнего не хотел верить, но... Нет смысла отрицать. Он понял, кто это. Он узнал.

В небеса взвился яростный крик. С разбегу, массой всего тела, он нанёс удар нечеловеческой мощи. Статуя накренилась и покорно повалилась на землю, отломившись от основания. Лёжа ничком, она продолжала смотреть каменным взором ввысь — то ли в синие небеса, то ли в синие глаза стоящего над ней полюблённого великана.

Немного отдышавшись, он оторвал взгляд от поверженной статуи, и снова оглядел долину. Вдали медленно приближался вооружённый отряд.

Помедлив секунду, человек поспешно спустился со склона и направился к деревьям, чтобы там скрыться.

* * *

— Вот тот проход в подземелье, ваша милость.

Старик указывал на зияющую трещину.

— Благодарю тебя, старый человек, — зазвучал вкрадчивый голос. — Сэр Тарбис, заглянем внутрь? Только будьте предельно осторожны, ни в коем случае не прикасайтесь к костям. Да и вообще лучше ничего там не трогать.

Друг за другом они протиснулись в проход.

Внутри капитан зажёл факел, осветив пещеру багровым огнём. Свет сразу же выхватил тёмный тоннель, уходящий далеко вглубь горы, и скелет, стерегущий вход. Маэл взял факел у капитана и осторожно наклонился к скелету. Нижняя его половина располагалась по-прежнему внутри тоннеля, а верхняя вывалилась в пещеру, когда Тания открыла чёрную дверь.

Служитель Маэл посветил факелом на ту часть скелета, что лежала в тоннеле.

— Посмотрите внимательно, капитан.

Тот осторожно наклонился, и увидел на полу, вокруг скелета, нечто похожее то ли на каменную стружку, то ли на глиняные черепки.

— Это же каменная чума! — в изумлении вскрикнул Тарбис — Та каменная корка на их телах! От тела остались только кости, а корка осыпалась черепками!

— Совершенно верно. Кузнецу, отцу того несчастного юноши не следовало притрагиваться к этим костям. И вам не следует.

Капитан тут же отпрянул от скелета и шарахнулся так, будто столкнулся лоб в лоб с прокажённым.

Маэл подошёл к пластине справа от тоннеля. Он провёл рукавом перед пластиной, прикрыв на миг глаза. В пещере раздался негромкий звук, похожий на удар гонга. Пластина засветилась бледно-серебристым сиянием, а вход в тоннель немедленно затянуло чернотой. Скелет на полу обиженно хрустнул — чёрная дверь разрежала его пополам.

Маэл проделал это с такой привычностью, будто каждый день, встав поутру, только и делал, что открывал и закрывал чёрные двери Старого мира.

Капитан же о чём-то призадумался.

— Но почему чума не тронула того юнца? — спросил он. — И сестру его вроде бы тоже?

— А на этот вопрос, сэр Тарбис, я не смогу дать ответ, — произнёс Маэл не менее задумчиво. — Не уверен, что и Синод сможет. Одно ясно, есть что-то особенное в этой парочке. Вот почему нельзя терять их из виду. То, что здесь произошло, предвещает нам опасные времена... И я предчувствую, что Йед и Тания ещё сыграют в грядущих событиях важную роль. Интуиция редко меня обманывает.

Тарбис выдвинулся корпусом вперёд.

— Юнец не уйдёт, ваша милость! Мои люди в деревне сейчас же возьмут его под стражу, закуют в цепи, а завтра отконвоируют в городскую темницу!

Но Маэл возмущённо нахмурился. Ретивость капитана его только рассердила.

— Под стражей или в цепях мы держим лишь преступников, пленных, а также диких зверей. Так почему вы хотите заковать этого мальчика? Дикий ли он хищник, был ли пленён в битве с врагом, иль уличён в преступлениях?!

— Но как же быть, ваша милость... Ведь по своей воле он с нами не пойдёт. Он же вон как привязан к сестре. Сейчас дожидается её у деревни, а скоро пойдёт в лес разыскивать, с нами или без нас... И нам придётся либо отпустить его, либо удерживать силой. А если девчонку в лесу сожрали дикие звери? Он её не найдёт, а к нам, вероятно, и не вернётся.

— Это правда, без сестры он со мной не пойдёт... Что же, если девочка не найдётся, то у нас есть и другой путь.

— Какой же? — спросил капитан.

Губы Чтеца тронула таинственная улыбка, и он отвернулся к чёрной двери. Задумчиво потянувшись к бархатистой пелене, осторожно тронув её пальцами.

Та немедля покрылась серебристой рябью, которая вначале разбежалась в стороны, а затем послушно отразилась от краёв обратно к центру. И снова разбежалась обратно.

— Помните, капитан, о чём поётся в легендах о Старом мире? — молвил Маэл, не отрывая взгляда от черноты. — Помните, что сгубило древних Титанов? Их желания. Титаны умели черпать из собственных желаний великую силу. Силу богов. Но она обернулась в итоге против них, потому что единственное, что ей подвластно не было — сам её источник. Усиленные божественной мощью, дурные желания извратили природу Титанов. Так прежние боги Старого мира, светлые и благородные, сделались его демонами. Породили они чудовищ, что заполонили весь Старый мир... Величайшим из них стало ненасытное Чёрное чудовище, что грозило пожрать всё сущее. И постигло Старый мир великое крушение... Одна лишь Шамина не поддавалась скверне, ибо черпала силу из разума, а не желаний. На осколках погибшего мира Титанов Богиня создала Новый мир и населила его людьми. Она даровала вам самое главное: Порядок, Закон и Послушание. Но увы... люди унаследовали и чёрное проклятье древности... Проклятье Титанов. Слишком часто желания затмевают ваш разум, и потому вы не ведаете, что для вас настоящее благо. Не знаете, чего вам следует хотеть. А посему, третья задача Синода, ради которой мы служим Святой Владычице — направлять желания людей. Наиглавнейшая из всех задач, ибо от неё зависит судьба Нового мира. Нельзя позволить, чтобы проклятая сила желаний когда-нибудь овладела людьми, и уничтожила их, как прежде Титанов. Нельзя допустить, чтобы Новый мир рухнул, как рухнул Старый мир. Вот какова моя главная задача, как Посланника Синода!

Маэл оторвался от созерцания бездонной черноты и резко развернулся к Тарбису. Так неожиданно, что тот едва не вздрогнул, если б не военная выдержка.

— Так вот, капитан: этот юноша Йед тоже не знает, чего должен желать! Его душа в смятении, он не видит последствий своих поступков. Он недальновиден, как и все люди. Но то совсем не его вина, потому не нужно заковывать его в кандалы. Моя задача — исправить его желания. Сделать так, чтобы он начал хотеть правильных вещей.

— И что... Что вы намерены с ним сделать? — осторожно спросил капитан.

Он уже начал смутно догадываться, куда клонит Маэл.

— Если сестра его так и не найдётся, то я освобожу его память от воспоминаний о ней. Она больше не станет удерживать его и тянуть назад. Так я спасу его от самого себя. От множества тех бед, к которым могут привести необдуманные желания.

Эти слова Чтец произнёс своим обычным доброжелательным голосом, как будто готовился совершить величайшее на свете благодеяние.

— До этих страшных событий юноша желал поступить в королевскую гвардию, — продолжал он. — Такое желание похвально... Это верное желание. Пожалуй, я предложу ему свою протекцию в этом деле... в рамках разумного, конечно. И тогда он примкнёт к нам совершенно добровольно, по собственному выбору. Это будет намного милосердней оков и тюрем. Вы согласны, капитан?

— Да, пожалуй... — кивнул капитан. — Ваша милость мудры, как всегда.

Но в душе он серьёзно сомневался, действительно ли это более милосердно? Он вдруг вспомнил о собственном брате, что сражался сейчас с еретиками, далеко на востоке.

На месте Йеда капитан Тарбис точно предпочёл бы быть закованным в кандалы, чем лишиться памяти о единственном близком человеке, что у него остался. То, что хотел проделать с юношей Чтец — всё равно, как отрезать руку или ногу... Даже ещё хуже: отрезать кусок его души.

Но дело солдата — исполнять приказы, а не подвергать их сомнению. Да и перечить Чтецу — то же, что подписать приговор самому себе.

И всё же, он решился обратиться к Маэлу ещё с одной мыслью, которая всё не давала ему покоя. Он чувствовал, что должен выложить всё сейчас, иначе подходящий момент будет упущен.

— Ваша милость не собирается более открывать эту чёрную дверь?

— Что ты имеешь ввиду? — удивился Маэл. — Для чего?

— Ну как сказать, нельзя ли с помощью ваших магических возможностей, с благословения Синода конечно, попробовать овладеть теми силами Старого мира, что сокрыты за дверью? Поставить их на служение благим делам? Вот та же чума. Если её забросить в лагерь врага, то любую битву с каким угодно противником можно выиграть в один день... На востоке уже год идёт восстание мятежников, вам известно, что там храбро сражается мой брат Батерис... Но еретики не гнушаются колдовства, которое запрещено Богиней. А ведь с помощью этой чумы из Старого мира мы смогли бы сохранить жизни столько наших людей! И закончить войну в один...

Но слова застряли в горле капитана, когда он увидел выражение на лице Чтеца. Глаза Маэла будто изменили свой обычный синий цвет, налившись кровью.

— Старый мир, сэр Тарбис? — из голоса Чтеца вмиг исчезла обычная елейность. — Вы совсем не слушали, что я только что говорил про Старый мир?! Старый мир — это Зловещий зверь! Это Чёрное чудовище, что пожрало самоё себя в яростном исступлении! Оно издохло в незапамятные времена, но отвратительные щупальца до сих пор живут, ползают и шевелятся, а их силы вполне хватает, чтобы задушить случайную жертву. Здесь, — он протянул руку к чёрной двери со скелетом под ней, — погребено одно из них. И нам следует не откармливать эту мерзость, дабы ненасытная гадина возродилась и вновь пожрала нас всех, а уничтожить, или на худой конец навечно запечатать этот осколок чёрных эпох. Таковы непреложные законы Святой Владычицы и священная воля Синода, что вечно служит ей!

Говоря последние слова, Маэл на секунду прикрыл глаза и приложил ладонь к груди, дабы отдать дань уважения.

— А вам, сэр Тарбис, — продолжал он, — я скажу следующее. Ваши безумные слова я пока отнесу на счёт временного помешательства из-за увиденных в деревне ужасов чумы. Воспользуйтесь данной вам возможностью, и впредь забудьте всё, что сейчас говорили. Если же вы вновь заведёте подобные речи в разговоре с кем-нибудь... Поверьте, уж я-то узнаю. Вас обвинят в измене Благочистому свету и предадут суду Синода! Вы же хорошо знаете, что вас тогда ждёт?

Пока Маэл пытался отдышаться после такой тирады, капитан Тарбис хранил полное молчание, как нашкодивший мальчишка. Он понял, что сейчас ему лучше ждать, пока Чтец не заговорит сам.

Переведя дыхание, Посланник Синода запел уже обычным голосом, смирив свой гнев.

— Здесь, в пещере, скелет не просто сжечь, не касаясь его. Что же делать... Облейте его пока горячей смолой. Но это временно, а потом... нужно залить его расплавленным металлом, после чего всю пещеру следует завалить. Капитан, встаньте здесь на ночь стоянкой, охраняйте вход. А наутро проверьте деревню, все ли тела сгорели там целиком. Если нет — не трогайте, с ними потом разберёмся. И да, ежели из лесу явится та девочка, ни в коем случае не отпускайте её до моего возвращения. При ней остаётся некий предмет из этого тоннеля, который тоже следует уничтожить. Но даже не вздумайте позволить своим псам каких-нибудь грубостей по отношению к ней! Вам ясны приказы, сэр Тарбис?

— Всё будет исполнено в точности.

Капитан приложил кулак к груди, покорно кивнул, развернулся кругом и вылез через разлом наружу.

Бросив последний взгляд на чёрную дверь и полскелета под ней, Посланник Синода тоже покинул пещеру, вслед за капитаном.

Глава 8

«За что ты хочешь убить меня, Тания?»

Тания неслась по лесу. Она не выбирала ни направления, ни цели, не пыталась спрятаться или запутать следы. Просто бежала, куда глаза глядят, пока не выбилась из сил. В итоге она оказалась у берега небольшого ручья. Ручей, по счастью, был ей знаком.

«Не заблудилась... — пронеслось в мыслях. — Найду дорогу обратно.»

Только зачем ей обратно, в эту мёртвую деревню? И Йед... что за дубина!

Несмотря на обиду, в глубине души она понимала: слова брата, пусть и сказанные в приступе безумства, в чём-то правдивы. Именно её действия в той пещере привели к тому, что случилось. Но откуда ей было знать, с какими грозными силами она имеет дело? Она ведь не желала никому зла. Но желала иль нет, а результат всё равно один. Вот отчего ей теперь так плохо. И это жестокая правда, что её сожаление не вернёт к жизни родителей. Не вернёт никого...

По щекам потекло что-то горячее. Слезы? Не бывать этому! От бессилия она упала на колени, в траву, и зло заколотила кулаками по земле.

Утеревшись, она огляделась. Смеркалось, а значит вернуться к деревне засветло не успеть. Неужели придётся ночевать в лесу? Дело принимало скверный оборот, потому что ночью здесь могли рыскать дикие звери, а никакого оружия у ней не было.

Впрочем, с собой она всегда носила камень, когда-то подаренный братом. Тания с облегчением нащупала вещицу в складках одежды — не потерялся.

В руке оказалось два предмета, повязанные на одном кожаном шнурке: камень и стальное кресало. Подарком, по правде, было последнее: Йед сам однажды отковал его в отцовской кузне. Камень лишь прилагался к нему по необходимости, однако именно он так Тании нравился. Он ведь как настоящий драгоценный камень, не то что глупая железяка! Края острые — в случае чего, сойдёт и за кинжал... Но почему бы по прямому назначению его не применить?

Вскоре в лесу разгорелся костёр.

«Йед всегда меня оберегал... — подумалось ей. — И теперь оберегает.»

Тания ещё раз опасливо осмотрелась. Стемневший лес начал уже гукать и свистеть обычными для него жутковатыми голосами, но никаких зверей — хищных или нет — так поблизости и не появилось. Если они тут и были, то она их уже распугала, пока собирала хворост. К ночи даже ветер стих, а травинки застыли под кронами, как замороженные. Тихо поскрипывали деревья над головой, перебиваемые треском молодого костра, а неподалёку журчал ручей.

Но что это? Только сейчас — при свете огня — она заметила, что берега ручья заросли не просто травой. Неужели глаза не обманывают? Там ведь те самые ночные цветы!

Она внимательно пригляделась и заметила такой же цветок, что распускался совсем рядом. Тотчас его сорвала — махровый полушар размером с её кулак. Если она не обозналась, то цвет лепестков должен быть тёмно-синим — хотя сейчас, при багровом свете костра, он казался вовсе чёрным. Каждый лепесток усеивали мелкие серебристые пятнышки, которые сливались местами в скопления без определённой формы и размера. Они чем-то напоминали звёздное небо, только звёзды такой красоты увидишь разве что во сне...

Вот почему в народе эти цветы звали «Сон Шашины».

— И не страшно тебе цвести по ночам, — прошептала Тания цветку. — В такой глуши!

Сон Шашины раскрывался с первыми звёздами, цвёл до утренней зари, а день проводил невзрачным бутонем. Как раз теперь наступало время его пробуждения. Цветок этот был очень редким, рос лишь в дикой природе, и потому высоко ценился некоторыми торговцами, которые на него буквально охотились. Но красивейшим цветком на свете Сон Шашины считался вовсе не за крупный размер и не за редкую окраску. Не совсем за неё...

Тания недовольно покосилась на трескучий огонь — светит, мешает. Затем ещё раз настороженно поглядела по сторонам, но всё же рискнула отойти от костра подальше, в темноту.

И в руке у неё засветилась маленькая вселенная. Бледный флуоресцирующий свет лился с каждого пятнышка на лепестке. Так цветок стал ещё сильнее походить на россыпи ночного неба, будто в сердцевине его сияла частица звёздной души самой Богини. Тания заворожённо разглядывала кусочек звёздных небес в своих руках, а затем радостно засмеялась, позабыв обо всех тревогах. И вот она уже кружилась у ручья со звёздным букетом в охапке...

Однако даже ночные цветы не могли залечить её душу. Когда она, устав, возвратилась к костру, вернулись и тяжёлые мысли.

«Это ты их убила! — прозвучал в голове голос Йеда, как живой. — Твоё желание!»

Он полоснул её этими словами, как кинжалом. Потому что сказал правду. А если так, то и таить на него обиду смысла нет. На себя обижаться нужно.

Только как ей теперь вернуться в деревню? Как снова смотреть в глаза Йеду?

Она туда и не вернётся. Никто больше не умрёт по её вине. Только что теперь ей делать?

Тания глядела в огонь, безжалостно теребя пальцами стебель цветка, пока тот не измочалился и не пустил липкий сок. Но нельзя же взваливать вину на одну себя, это бремя невыносимо! В её сердце нарождалось совсем другое чувство. Боль и вину вытесняла жгучая ненависть.

Она хотела найти настоящего виновника жуткой чумы. Это ведь точно колдовское порождение, иначе откуда в ней такое человеческое коварство? Да, природные болезни тоже бывают грозными и неудержимыми, как лесной пожар, но эту чуму можно сравнить лишь с карающим небесным пламенем. Так кто тот неведомый каратель, чёрный палац, что посчитал виновными её отца, мать, друзей и соседей? Кто наделил его правом приговаривать целые селения? Пусть он объявится немедленно и скажет, в чём они все были повинны!

Тания зло отбросила истрёпанный цветок. Она жаждала отмщения врагу, но враг оставался неизвестен.

Что-то скрывалось в том горном подземелье за чёрной дверью, откуда вышла чума. И что бы это ни было, возмездие должно настичь его во что бы то ни стало. Но не Титанов же Старого мира ей искать? Они все мертвы уж сотню столетий, как тот скелет за дверью.

Тут она вспомнила про предмет, найденный Йедом у ног пещерного скелета. Та загадочная книга-дневник с пустыми страницами. Она всё ещё оставалась с ней.

Тания достала серебристую книгу, повертела в руках, в который раз перелистала. Всё такая же загадочная она, эта книга. На серебристо-белых страницах по-прежнему ничего, ни единой пометки.

В чём же её тайна?

Тут у Тании мелькнула мысль, от которой она похолодела. Вот где отгадка ко всем загадкам! Не эта ли странная книга и была источником чумы? Ведь не спроста же во всех легендах Старый мир оставался чёрной эпохой мира, царством зла? Прикасались к книге

только она и Йед. Станным образом, именно они оказались единственными выжившими. А что, если это и впрямь проклятье? И если каждый, кто книгу тронет, обречён познать горечь потери всего самого дорогого?

Она с ненавистью глядела на серебристую книгу, пока та тихо лежала у ней на коленях, мерца в свете костра, подобно снегу.

Что, молчишь? Раскусила я тебя?

Тания вспомнила, как Йед безуспешно пытался навредить книге. И правда, очень похоже на проклятый предмет. Но теперь Тания в долгу не останется! Что не получилось у брата, получится у неё. Она отомстит за всех.

Тания вспоминала всё, что Йед с этой книгой уже делал. Что же, раз это оказалось бесполезным — нужно что-то другое. Она яростно вглядывалась в пляшущие на костре языки пламени...

Огонь! Йед не пытался эту книгу сжечь!

Со зловещей улыбкой Тания медленно встала. Рядом покоилась приличная охапка хвороста — запас для поддержания огня. Решительно схватив её обеими руками, она её подняла и бросила в огонь. Всю, целиком.

Пламя поначалу чуть не задохнулось под гнётом придавившего его дара. Она даже испугалась, не переборщила ли? Но нет, постепенно костёр разгорелся и начал деловито заглатывать хворост. И тогда быстро, пока жёлто-багровые языки не дошли до верха, Тания просунула книгу между сучьями, в самый центр занявшейся охапки.

И стала ждать.

До чего упорна эта книга! Огонь её уже лижет, но она никак не чернеет. Даже сажи к ней не пристало!

Уже весь запас хвороста объяло трескучим пламенем, оно взвивалось почти до лесных крон... Но проклятая книга так и не думала гореть. От отчаяния у Тании опускались руки.

Неужели и огонь её не берёт? Неужели, когда костёр сгорит дотла, она достанет её из золы нетронутой?

Едва она так подумала, как лесной воздух наполнился странным низким гулом — похожим на тот звук в ущелье, перед началом землетрясения. Гул этот неуклонно нарастал, давил на уши, превращаясь в гнетущий вой, а исходил он из недр полыхающего костра. С серебристой книгой явно что-то происходило.

Теперь Тании сделалось страшно. Никто ведь не знает, какими силами обладает этот предмет Титанов и на что способен.

От непрерывного воя закладывало в ушах, а книга внезапно накалилась добела. Она вовсю блистала ослепительным светом, перебивая им даже сам костёр.

Дольше здесь оставаться нельзя, пронеслось в мыслях.

Тания отскочила прочь от костра. За толстый ствол ближайшего дерева.

* * *

Он брёл по темнеющему лесу в тяжких раздумьях. Десять тысяч лет назад он оказался заперт под горой, и вынужден был погрузиться в сон. Без надежды, что ему суждено когда-нибудь проснуться.

Но он проснулся — проснулся в этом новом мире, совершенно ему чуждом. Все, кого он знал, кто был ему близок, давно мертвы. Даже не просто мертвы... Их словно никогда и не было. Тот скелет у входа — самое большее, что могло сохраниться. Не будь он спрятан в тёмном подземелье, вдали от солнца, воды и ветров — не осталось бы даже праха.

Едва выйдя на поверхность, он мало что успел здесь повидать. Но то, что видел, ему не нравилось. Похоже, люди теперь поклоняются ей, будто она богиня... или кто-то вроде.

Поклоняются той, которая едва не уничтожила человеческий род под корень. Это она изображена в статуе у склона, без сомнений. А символы в виде вытянутых звёзд... Пусть они просты, но их не спутать. Раньше этот знак принадлежал Подлинным... Знак, который она захватила.

Но каковы её цели в этом новом мире? Её мире...

А он сам? Кто теперь? Где его место? И нужен ли он здесь хоть кому-то? Стоило ли вообще просыпаться?

В том отряде... Наблюдая из укрытия, среди прибывших к пещере людей он успел заметить всадника в сером капюшоне. Такого же высокого. И такого же синеглазого.

Такого же, как он сам.

Только похожи они лишь внешне. И пусть все они братья по крови, но в прежнем мире эти «братья» были ему заклятыми врагами.

А теперь? В новом мире? Вряд ли друзья.

Так, завязший в путаных мыслях, он шёл и шёл по лесу, куда глаза глядят, как вдруг что-то почувствовал...

Человека. Далеко в лесу кто-то терзался от боли.

Немой крик страдающей души доносился к нему через немалое расстояние. Только слышал он его совсем не ушами.

Эта душа светила ему из пустоты, как одинокая звезда из ночного мрака. Она влекла его своим светом, тянула. Почему? Быть может, потому что он сам — такая же одинокая звезда... Быть может, они оба не знают, кто они в этом мире. Быть может, они сумеют друг другу помочь.

И синеглазый великан побрёл туда, куда вела его звезда. Вниз по течению ручья.

* * *

Тания пряталась за деревом, сжавшись от страха, а костёр с древней книгой Титанов бесновался и ревел.

Должно же это светопреставление чем-то кончиться, думала она. Проклятая штуковина вот-вот спалит весь здешний лес вместе со мной... Ну и пускай! Если так уничтожит и саму книгу!...

Однако испепеляющего всё и вся взрыва не последовало. Вместо этого весь шум неожиданно прекратился.

Сквозь внезапно нависшую тишину Тания услышала новый звук: тихую звенящую смесь льдистого потрескивания с лёгким хрустом. Но и он быстро исчез, как растаял.

Неужели всё кончено? Оно сгорело?

Полыхавший до небес костёр, похоже, потух. Однако полного мрака не наступило: лесные кроны освещались каким-то слабым сиянием. Тания поднялась и осторожно высунулась из-за дерева...

То место, на котором недавно пылал костёр, окутал клубящийся туман. Из его пелены и лилось спокойное серебристое свечение. А в воздухе искрились снежинки, подобные спустившимся с небес звёздам.

Тания рискнула приблизиться. Она мимоходом заметила, что ручей неподалёку перестал журчать: он обратился в лёд. Точно также замёрзли и заросли цветка Сон Шамины, на берегу. И трава под ногами, и листва на деревьях. Всё покрылось слоем белоснежного инея, освещаемого серебристым сиянием. Вот откуда взялся странный снег: это иней сыпался с веток деревьев, когда их покачивал слабый ветер.

Она вошла в облако искристого тумана — туда, где прежде горел костёр. Там, в куче золы, серебристым светом сияла книга.

Приглядевшись внимательней, Тания увидела, что на обложке книги сиял странный ажурный знак. И кожу тотчас пронизало жутковатым покалыванием.

Молнией вспыхнуло позабытое видение. Такая же фигура мелькнула в её сознании, когда она открывала чёрную дверь Старого мира. Может, не этот же символ в точности — Тания не успела его тогда разглядеть и запомнить, — но очень похожий. В целом, вроде бы, геометрически правильный, наподобие трилистника, но в то же время какой-то хаотичный, наполненный мелкой вязью бессмысленных петель.

Тания выхватила книгу из кострища, чтобы рассмотреть получше — но знак тотчас перевернулся, как бы подмигнув, и пропал. Книга вновь стала девственно чистой, и тогда Тания начала её судорожно перелистывать, словно хотела отыскать в ней сбежавший символ... Но тщетно. Страницы оставались пустыми, лишь светились слабым светом, будто живые. Сама книга казалась теперь живым существом.

Странное дело, пока она переворачивала пустые листы, ей казалось, будто её саму кто-то читает. С каждой новой страницей в голове проносился рой непрошенных воспоминаний. Как бы мимоходом пробежало детство. Семья. Родная деревня. Вот она уже в Поющих пещерах вместе с Йедом... Землетрясение. Травма. Снова Пещеры... Чёрная дверь. Скелет.

Нет, не надо листать дальше! Надо бросить книгу!

Но она не смогла её бросить. Чума... Матушка, затем отец... В голове сами собой зазвенели те жестокие слова: «Это ты их убила!»

— Хватит! — вскрикнула Тания. — Прекрати это немедленно!

Она выронила книгу, как горсть горящих углей. Та упала в золу, распластавшись к ней серебряными страницами.

— Мало тебе тех страданий, что уже мне причинила?!

Бесцеремонное перелистывание её мыслей сразу прекратилось.

Книга послушалась её. И от этого Тании стало страшно.

Вдруг она увидела в книге надпись. Чёрные буквы бесстыдно красовались на серебристой странице, будто всегда тут были. Они словно лукаво подмигивали: «А вот они и мы. А ты нас и не заметила». Она снова подняла книгу, отряхнула от сажки, но буквы не пропали. Они были настоящими.

Книга вопрошала:

— За что ты хочешь убить меня, Тания?

И прямо на глазах невидимая рука вывела ещё одну строчку:

— Разве я враг тебе?

Тания похолодела. Не потому, что письма сами собой появились на пустой странице. Не потому, что книга знала её имя. Не оттого, что теперь нужно оправдываться перед неведомым существом за то, что пыталась его уничтожить.

Страшнее всего было то, что Тания не знала грамоты. Она никогда не умела читать и писать. А эту надпись прочла с такой лёгкостью, будто всю жизнь училась в столичной школе каллиграфии.

Но она даже не знала, что это был за язык!

Тания подумала, что надо бы ответить. Но как? Написать ответ на странице? Может она теперь и писать на этом языке умеет тоже, но писать всё равно нечем.

Тогда Тания вспомнила про серебристую пластину в пещере, как та послушалась её мыслей на расстоянии. Наверное, и с этой книгой можно также? Они ведь чем-то похожи...

Сконцентрировав сознание, она мысленно спросила книгу:

— Чума в деревне твоих рук дело? Это ты убил мою семью?

На странице ничто поначалу не поменялось. Тания подумала было, что такой способ общения не работает, но тут книга стала выводить ответ.

— Чума поразила хозяина. И его срок истёк. Приказ был заснуть... нельзя послушаться... Теперь я повреждён. Без хозяина ненастоящий.

Тании подумалось, что это существо в форме книги не очень похоже на исчадие зла.

— Если ты не виноват, то... прости меня. Я... сильно тебе навредила?

— Вред умеренный, — написала книга. — Нужно время... Лечение... поправка... Исправление... займёт время.

Загадочная сущность не казалась уже зловредной, только чудной. И Тания решила, что не плохо бы с ней подружиться... Насколько вообще можно дружить с магическими книгами.

— Если твой хозяин умер от чумы, а ты остался один... У меня тоже все погибли, кроме брата. Но к нему я не могу вернуться, и не знаю, как мне теперь быть. Я тоже одна... Хочешь, я стану тебе другом? Не знаю, кто ты, но у людей друзья обычно помогают друг другу в беде. Чего ты хочешь?

Ответ — на новой странице — появился не сразу.

— Я должен стать настоящим.

Тания нахмурилась. Существо снова повторило эту странную фразу, про «стать настоящим». Она не очень понимала, что хотела сказать книга, но вспомнились вдруг последние слова отца: «Что бы ни случилось, вы должны оставаться настоящими. Это важнее всего.»

В этот миг по телу разлилось приятное тепло. Ей вдруг подумалось — хоть разумом она и гнала подобные мысли прочь — будто книга эта, ни много, ни мало, новое воплощение погибшего отца.

— Я тоже... тоже должна стать настоящей... — прошептала она. — Только не знаю, как...

— Без хозяина я ненастоящий. Но его срок истёк. Скажи мне, чего ты хочешь, и я исполню это. Сделай меня настоящим, и я снова стану слугой. Пока не истечёт твой срок.

Тания размышляла над путанными письменами в книге. Правильно ли она поняла, что это существо хочет служить ей? Оно изъясняется так чудно, что его порой и не разберёшь... может, потому что язык этот для неё слишком нов? Иногда смысл написанного слова казался ей ясным, а иногда — смутным, как будто в её родном языке такого понятия попросту не было.

А пока она думала, в книге появилась ещё одна надпись.

— Ты тоже ненастоящая. У тебя есть сильное желание. Я его вижу. Ты хочешь отомстить. Когда ты получишь, что хочешь, ты станешь настоящей.

Тания насторожилась.

— Отомстить... О чём это ты?

— Я вижу. Ты хочешь отомстить тому, кто сотворил чуму. Но создателей больше нет. Их срок истёк. Всего один остался, чей срок ещё не истёк.

Тут сердце Тании забилось чаще. В висках зашумело, а по телу стал разноситься такой жар, будто она тонет в горячем пламени и задыхается.

— Откуда?... — воскликнула она. — Ты это точно знаешь?!

— Я знаю всё, что знал хозяин. Я знаю всё, что знаешь ты. Я знаю.

Кем бы ни было существо из книги, её желание оно угадало безошибочно. Она отомстит тому извергу, что виновен в гибели её отца, матушки и всей родной деревни! Кем бы он ни был, если он только жив, возмездие настигнет его!

— Имя! Ты знаешь его имя! Назови! Я его уничтожу!

— Я знаю всё, что знаешь ты. Я знаю... И ты это имя знаешь. Вы зовёте её Шаминой.

Письмена эхом отозвались в голове, словно удар колокола.

«Вы зовёте её Шаминой»

Тания рухнула на колени и повернула голову в сторону ручья, поросшего звёздными цветами. В глазах её отразился чёрный мрак ночи. Враг, которого она искала, открылся, и теперь ненависть заполняла всё её существо.

Шамина! Всемогущая Богиня!

Прежний незримый огонь перестал её жечь. Откуда-то со дна души повеяло ледяным холодом, и пламя затухло. Вместе с магической книгой Титанов она и впрямь нашла недостающий кусочек себя... «стала настоящей».

Она поняла, что ей теперь делать. Она решилась.

— Ты... кто-то вроде колдовского фамильяра? — грозным голосом произнесла Тания.
— Ты сможешь мне убить Богиню? Уничтожить её? Ты сможешь?

Серебристая страница оставалась пустой всего пару секунд, хотя для Тании это время показалось вечностью.

— Да, — отвечало существо из книги. — Её срок истечёт. Нужно лишь подтвердить желание. Нужно стать настоящими.

А затем на снежно-чистом листе снова проступили угольно-чёрные буквы. Так, словно их выжег неведомый демон давно забытых эпох.

— Чего ты хочешь? — вопрошал Фамильяр.

— Мести! — вскричала Тания без раздумий. — Я отомщу за родителей, и тогда Йед примет меня обратно! И тебя!... Хочу стать тебе хозяином. Хочу... стать настоящей!

В тот же миг пальцы, которыми она держала книгу, пронзило странным покалыванием.

А лес будто задрожал, наполнившись неровным мистическим блеском. Каждый лист, веточку, или травинку — всё вокруг Тании — озарило мерцающей белизной.

То был свет, что Фамильяр извлёк из потаённых глубин её души.

Серебро её желаний.

* * *

Посланник Маэл вылез из пещеры с чёрной дверью Титанов.

Темнело. А нужно ещё вернуться к пожарищу деревни и забрать оттуда Йеда и его сестру, ежели та вернулась из лесу.

— Сэр Тарбис, мне нужны оба коня, — молвил он. — Ваш вам всё равно не понадобится, коль на ночь вы остаётесь здесь.

— Как прикажете, ваша милость, — покорно гаркнул Тарбис.

В самом конце тропы Чтец заметил поваленную на камни статую Шамины.

Странно... В памяти юноши она, кажется, устояла. Ещё один обвал сошёл?

Маэл с подозрением огляделся, будто кто-то мог сейчас за ним наблюдать из-за валунов, и глянул вверх. Но уже слишком стемнело, чтобы что-то увидеть. После недолгого колебания он направился в сторону выгоревшей деревни, начисто позабыв о статуе. В голове его роились совсем другие мысли.

Что-то странное таилось в этих детях из семьи кузнеца, Йеде и Тании. Не только то, что они единственные выжили после эпидемии. Девушка смогла силой мысли открыть замок на двери Старого мира. Но смертные Нового мира такие замки открывать не могут. Та серебристая пластина не реагирует на первого попавшегося вторженца. Выходит, девчонка обладает частицей силы Чтеца? Суший абсурд...

Но... что, если так и есть? Возможно, и брат её тоже. Когда Маэл попытался исследовать его память, Йед сумел даже воспротивиться его силе, неосознанно выстроить подобие защиты. Пришлось на ходу сменить тактику...

Только для простых людей весьма необычно обладать подобными способностями. Да что там необычно, ещё вчера Маэл сказал бы, что это просто немыслимо!

Он поднял задумчивый взор к небесам, где загорались первые звёзды. Трёхвековой опыт подсказывал, что открывшаяся чёрная дверь Старого мира — лишь первое звено в цепи грядущих событий. Но следующие звенья пока что сокрыты. Есть только эти дети кузнеца, Йед и Тания, которые сияют ему из мрака, подобно двум загадочным звёздам.

И потому, решил Маэл, надо держать их при себе. Пока их тайна не откроется.

* * *

Тания очнулась от того, что ей в лицо плеснули холодной водой. Спросонья она резко вскочила и ударилась головой о толстую ветку дерева, к которому, как оказалось, её бережно прислонили.

— Ай! — вскрикнула она, потирая рукой ушиб.

— Надо быть осторожнее, девочка.

Она удивлённо обернулась на голос. Перед ней стоял человек. Почему-то обнажённый по пояс, хотя эта деталь была в нём далеко не самой странной.

Хоть он и походил на человека по первому взгляду, Тания быстро засомневалась, что его правильно так называть. Раза в полтора выше ростом. Лысая голова, как и торс, исчерчены беспорядочно изогнутыми полосами — будто боевой раскрас какого-то дикарского племени. Но несмотря на такой внешний вид, дикарём он точно не был: из глубины его глаз светился разум. Глаз настолько чистого синего цвета, такого глубокого, словно через них на Танию смотрело само полуденное небо.

— Ты заключила с ним договор, — произнёс он, указывая на лежащую рядом серебристую книгу. — И он теперь будет с тобой до конца. Вашу связь нельзя разорвать, не причинив кому-нибудь вреда. Ты сможешь совершить с ним многое, не только доброе, но и злое. Но по плечу ли это тебе? Как ты решилась на такой шаг? И зачем?

Тания бессмысленно смотрела на синеглазого незнакомца, пытаясь прийти в себя после обморока. Она и впрямь чувствовала, будто теперь не одна, будто кто-то дышит ей в затылок. То было не зловещее ощущение, как от слежки чужака, а скорее наоборот — словно за спиной стоит невидимый защитник, готовый помочь при первой опасности. И сейчас этот защитник подсказывал, что стоящего перед ней синеглазого великана не нужно бояться.

Наконец, Тания очнулась окончательно и смогла осмыслить сказанные ей слова. Незнакомец говорил на чужом языке — похожем на язык серебристой книги — но она его понимала. Хотя даже не знала, что это был за язык!

Тания прищурилась, оглядывая чудного незнакомца с головы до пят.

— Ты кто? Ты из Чтецов? Но какой-то странный...

Теперь она даже не удивилась тому, что может говорить на языке незнакомца.

— Да-да, конечно же, я не представился, — дружелюбно ответил тот. — Меня зовут Линкей. И я... я не знаю, кто такие Чтецы...

— Странное имя... — рассеянно ответила она. — А я Тания... Откуда ты явился?

— Я пробудился после очень долгого сна... Кто-то открыл ту дверь под землей, и тогда я должен был проснуться.

— Тогда это была я. Дверь повиновалась мне.

Великан нахмурился.

— Не уверен, что её вообще стоило открывать. Ты трогала те кости у прохода? Подозреваю, что они до сих пор опасны.

Теперь Тания всё поняла.

— Я и не трогала, — печально сказала она. — Трогал отец...

Линкей озабоченно взирает на Танию, пока та рассказывала ему о разразившейся чуме.

Да, он опоздал. Пока он выбирался, на поверхности уже успело случиться много бед. Вот откуда в душе этой девочки столько боли, которую он слышал за версту.

— Книга... То есть, существо из книги сказало, что чуму сотворила Богиня... И что оно поможет мне одолеть её. Вот потому я стала ему хозяином, как он просил. Теперь я отомщу Шамине за всё, чего сегодня лишилась.

Тания привстала и, кряхтя, потянулась к серебристой книге. Та больше не светила — словно бы уснула.

— Я вначале подумала, что ты один из этих... Из Чтецов. Ну, служителей Шамина. Не знаю, кто ты такой на самом деле, но теперь вижу, что точно не из их братии. Они так просто себя с людьми не ведут... Значит, ты мне пока не враг. Так и книга говорит... А жаль, имей ты хоть какое отношение к Шамине, я бы тебя голыми руками придушила. Мне бы тогда полегчало сразу.

Линкей пропустил её сердитый тон мимо ушей.

— Та, кого ты зовёшь Шаминой, не её ли статуя стояла у входа в пещеру?

Тания молча кивнула, прилаживая за пояс серебристую книгу.

— Шамина... — тихо повторил великан. — Вот, значит, к чему всё пришло... Мы проиграли...

Немного подумав, он сказал:

— Тогда враг у нас общий. Нет нам повода враждовать, если можно стать союзниками.

— И какая от тебя польза? — дерзко ответила Тания. — К шапочному разбору тут явился. Один помощник у меня уже есть!

Она похлопала себя по серебристой книге на поясе.

Линкей печально усмехнулся.

— Ты так бахвалишься, чтобы заглушить боль. А я поллеса прошёл на неё, как на маяк. Мне ведь видно всё, что творится в человеческой душе. Но я могу тебе помочь. Мой дар... он способен заглушить твоё страдание. И тебе не понадобится никого душить, чтобы стало легче. Не бойся, твой новый помощник не даст навредить.

Линкей сказал правду. Едва его странные кривые полосы задрожали бледно-лиловыми переливами, как начало отступать всё, что грызло Танию изнутри. События последних дней из памяти не пропали, но словно состарились. Она смотрела на них как бы со стороны, как зевака наблюдает за улицей из окна. Горечь, вина и злость — всё это утратило остроту. Не забылись и слова Йеда — «Это ты их убила!» — но даже они казались теперь не более, чем просто словами.

Поначалу наступило живительное облегчение, как у лихорадочного больного после бессонной ночи, когда под утро болезнь отступает. Но затем Тания испугалась. Она ведь сказала Фамильяру, что хочет отомстить, что таким было её желание. Это желание скрепило их договор, но и оно теперь померкло!

В этот миг ей показалось, что она вновь потеряла то, что с таким трудом обрела. Что она пуста, как скорлупа без ореха.

Тания взглянула на незваного великана снизу вверх.

— Ты стёр мою боль, но не сотрёшь реальность. А эта боль... она придавала мне сил. Мне теперь не хватит воли совершить то, что я хочу. Я без неё как ненастоящая. Сейчас же верни всё обратно! И впредь никогда так не делай!

Линкей недоуменно на неё взглянул.

— Как пожелаешь. Желания людей — их выбор.

Он прикрыл синие глаза, а полосы на его теле вновь вспыхнули бледным светом.

Вскоре Тания корчилась у его ног, как в агонии, рычала и зло била кулаком оземь. Она не сумела выстоять перед лавиной, захлестнувшей её с новой силой.

— Всего лишь человек, — озадаченно пробормотал Линкей. — Но все люди... Каждый из вас... по-своему прекрасен.

* * *

— Ну что, Йед, готов ли ты отправиться со мной в столицу? — спросил Чтец замешкавшегося юношу. — Я подыщу тебе достойное место службы. И кто знает, каких высот ты сможешь достичь, если сумеешь проявить себя.

Йед рассеянно глядел в лес, будто пытался там что-то высмотреть, только сам не знал, что именно.

— Почему всё так странно? — отозвался он. — Ничто не должно меня здесь удерживать. Но я будто забыл о чём-то. О чём-то очень важном.

Маэл едва заметно нахмурился, но промолчал. Он не стал ни торопить Йеда, ни нарушать ход его размышлений.

Тот в последний раз окинул взглядом лес и пепелище деревни.

— Прошу прощения за заминку. Еду за вашей милостью.

И направил коня по Королевскому тракту, вслед за Чтецом.

Ночь окончательно спустилась на долину. Небо почернело, и в нём мерцали звёзды. Одна сияла особо ярко, желтоватым светом. С вершины мира звезда эта будто внимательно наблюдала за всем, что происходит в землях между морями. Потому люди и называли её Оком Шамины.

Над горизонтом впереди поднимались две луны Междуморья. Обе блёкло-оранжевые, и одинаковые, как близнецы. При свете полных лун хорошо виднелись очертания приближающейся столицы с её величественной доминантой — храмом Шамины.

Йед смотрел на город впереди и всё прогонял в уме трагедию минувших дней. Чёрные мысли никак не отпускали сознание. Возможно, именно потому ему на секунду показалось, будто две луны впереди — это налитые кровью глаза неведомого зверя. Хищным взглядом тот зверь неотрывно взирает на путников в долине, на столицу с храмом Богини, на Закатные горы позади.

На всё Междуморье.

Чёрное чудовище медленно подымалось из-за края мироздания. Оно готовилось проглотить сверкающее звёздное небо и обречённые земли, что раскинулись под ним.

Глава 9

«Именно такие вопросы — незаданные — самые важные»

Посол Олимпа грациозно обернулся к продолговатому — во весь рост — иллюминатору. Там, за толстым стеклом, медленно плыли далёкие моря и континенты, подёрнутые сизой дымкой атмосферы.

Комендант станции невольно проследил его взгляд и нащупал глазами клочок земли где-то за границей света и тени. Окутанная одеялом ночи, оттуда мерцала россыпь золотистых огней.

Родной дом. Аркадия.

— Что же... — молвил олимпиец, не отрывая взгляда от планеты. — Тогда на этом инспекция окончена. Поздравляю, комендант, вы выдержали проверку с честью, несмотря на всю внезапность. Я доложу Олимпу, что вашими усилиями система «Аполлон» содержится в полной боеготовности. И что вы справляетесь с обязанностями отменно — не в пример предшественнику. Я остался доволен.

Комендант был стреляным солдатом, который повидал немало. Но ему всегда делалось не по себе в присутствии таких, как этот ревизор Олимпа. Особенно, если они начинали говорить своим певучим — даже немного гипнотическим — голосом.

Подлинные — так они себя называли. Пока олимпиец говорил, со стороны казалось, будто разговаривает он с собственным отражением в стекле иллюминатора. Вернее, что друг с другом говорят два совершенно одинаковых человека по разные стороны от стекла. Оба высокие, благородно-осанистые, оба голубоглазы, и оба — с одинаково тонкими чертами одинаково женственных лиц. Все Подлинные выглядели одинаково, почти как отражения друг друга.

Словно на наноконструкторе их штампуют, невольно подумал комендант. А вслух отчеканил:

— Благодарю, легат Астрений! Служу Олимпу! На страже мира и согласия!

Тот нехотя оторвал взгляд от планеты. Повернувшись вполоборота — что проделал ещё грациозней прежнего — смерил коменданта взглядом, полным гордости и достоинства. Золотая оливковая ветвь, что вздымалась над его ухом изящной петлёй, вдруг резко сверкнула на солнце.

Точно также сверкнул венец у его отражения. По ту сторону от иллюминатора.

— Министр Астрений, — холодно поправил он. — Теперь я министр. Вас не успели об этом проинформировать? Простым легатом из Министерства технологической безопасности я был год назад, когда вас сюда только назначили...

— Виноват, сэр, оговорился по старой памяти! — поспешно гаркнул комендант. — И...

Но министр остановил его мягким движением ладони.

— Впрочем, неважно. Я понимаю, политики носят слишком уж мало знаков отличия, не то что военные. Потому забудем это недоразумение. Мне ведь нужно ещё доделать кое-какие личные дела. Спроводите меня к каюте, комендант... А затем готовьте отбытие — уже через пару часов я должен вернуться в Аркадию.

— Так точно, сэр!

Комендант, пусть и пристыжен за оговорку, остался тайно горд тем, что всё-таки заслужил похвалу столь высокого гостя. Он немедленно отдал приказ по коммуникатору — готовить транспортный шлюз — а затем почтительным жестом пригласил министра следовать за собой.

По дороге они, однако, не перемолвились ни словом. Новоиспечённый министр технологической безопасности оставался молчалив, поглощённый думами государственного масштаба, а комендант, будучи человеком военным, не привык вести светских бесед. Уж точно не просто ради беседы.

— Биоидентификация выполнена, — раздался автоматический голос из динамика перед входом в каюту. — Личность Геспера Астрения подтверждена. Добро пожаловать, министр!

Дверь каюты открылась, а затем закрылась с тихим шелестом, оставив коменданта где-то позади. И Геспер облегчённо выдохнул.

Новая должность ему не нравилась. Как, впрочем, и старая. Вовсе не политикой он мечтал заниматься, когда был молод.

Но он стал тем, кем стал. И вот, хотя бы в космосе ему выдался часок отдыха. Отдыха от самого себя. От своей постылой каждодневной роли.

Он замер, желая дать прелести мгновения наполнить всё его существо — до отказа. Чистые голубые глаза Подлинного целую минуту созерцали такую же голубую планету, что медленно плыла за бортом станции. Как же мерзок был этот мир из пятидесяти миллиардов человеческих душ, но как прекрасен он стал, стоило лишь взглянуть на него со стороны!

Наконец, он отвернулся от иллюминатора. В стене каюты темнел пустой экран.

- Аргус... — устало позвал Геспер.
- Да, министр Астрений? — откликнулся откуда-то услужливый голос.
- Хочу просмотреть видеозапись перед отбытием. Выведи её на экран.
- Всё ту же, сэр? Опять Крожский эксперимент?
- Верно угадал. Покажи мне запись Крожского эксперимента... ещё раз.
- Выполняю, сэр! — послушно отвечал голос Аргуса.

На экране появился бункер с грандиозной установкой. Затем какие-то люди — учёные в халатах. Они объясняли цели и задачи предстоящего эксперимента. Временами камера переключалась на седовласого профессора с окладистой бородой. Сверкая благородной лысиной, тот давал интервью, которое больше походило на лекцию по физике.

Впрочем, сейчас всё это знают даже школьники.

- Прокрути вперёд... — утомлённо молвил Геспер. — За десять секунд до события.

Установка в кадре работала на всех парах. Вокруг неё сверкали мистические всполохи из ниоткуда, перемежаясь со странными тенями. А само пространство в камере, казалось, плывёт и изгибается немыслимой формой, похожей на жутковатого спрута. Голос за кадром комментировал, сообщал сухую научную информацию и отсчитывал секунды...

- Достигнуто полное замыкание метрики! — торжественно объявил голос. — Пространственный узел изолирован! Впервые руками человека создана карманная вселенная!

Но не успел он договорить, как слова заглушил страшный шум. В камере эксперимента вдруг явилось что-то дикое. Будто самая чёрная чернота, какая только может существовать в мире, враз ожила: обрела форму, волю и голос. Лопнула, взорвалась и с рёвом заполонила все свили пространства, которые обернулись клубком жадных щупалец.

И тотчас исчезла, рассеялась в небытии. Исковерканное руками людей пространство выправилось, словно разом исцелились его раны.

Только установка пропала. Чернота унесла её с собой, целиком. Как и бетонное покрытие с ближайших стен.

- Чей-то голос на записи запоздало вскрикнул. Начались переполох и неразбериха.

- Стоп! — скомандовал Геспер. — Покажи момент рождения чёрной субстанции! С максимальным замедлением! И увеличь!

А сам впился глазами в изображение так, словно приготовился его живьём сожрать.

Что он хотел увидеть на этой столетней записи, просматривая её уже в тысячный, наверное, раз? Вернее, что он надеялся увидеть здесь нового, чего не заметило целое поколение до него?

Он и сам не знал, просто что-то чувствовал. Интуиция подсказывала: то, что в этой камере тогда произошло — не просто открытие наукой нового субпространственного измерения. Что-то ещё случилось в тот миг, намного более важное. Крожский эксперимент скрывает ответ на какой-то судьбоносный вопрос. Только вся беда в том, что сам вопрос никто так и не сформулировал, а ответ без вопроса не имеет смысла. Но именно такие вопросы — незаданные — самые важные.

- Выполняю, министр! — послушно откликнулся Аргус. — Отмотка назад и замедление...

Вдруг раздался резкий сигнал вызова. Геспер от неожиданности аж передёрнулся.

- Откуда это?! Кто вызывает?

- Аркадия, сэр. Штаб разведконтроля и внешних спецопераций. Срочный вызов. Метка приоритета: высший.

— А от меня-то им какого рожна... — сказал было он, но тут же осёкся, что-то вспомнив.

— Эх... — вздохнул он. — Видеозапись оставить на паузе. Принять вызов... Хотя нет, поставь канал в режим аудиопочты. Если это не по-настоящему срочно, то отвечу им из Аркадии. Два часа подождут.

— Да, сэр. Передача уже идёт...

Из динамиков немедля затрещали помехи, словно передача шла по допотопному каналу связи. Возможно даже, что по простому радио.

— Аркадия... — захрипел динамик. — На связи Феникс. Как слышно? Задание выполнено — запрашиваю эвакуацию.

От этого голоса Геспер опять невольно вздрогнул.

— Аркадия! — всё надрывался динамик. — Нужна помощь! Отвечайте!

Лицо министра исказилось презрением — таким, что померкло золото олимпийского венца.

Ненавистная служба настигла его и здесь.

Произношения имён и названий

Ша́мина
Йе́д Ве́лунд
Та́ния Велунд
Та́рбис
Ра́мис
Маэ́л
Линке́й
Ге́спер Астрéний
Арка́дия